

ЕВГЕНИЯ ПЕРОВА

*Я все равно
тебя дождусь!*

«НЕВЕРОЯТНО ТРОГАТЕЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ СУДЬБЫ,
ОСВЕЩЕННОЙ ЛЮБОВЬЮ».

журнал «7 дней»

Евгения Перова
Я все равно тебя дождусь!

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перова Е. Г.

Я все равно тебя дождусь! / Е. Г. Перова — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-82803-6

Из недолюбленного ребенка, которого на протяжении долгих лет третировала мать, Лида выросла робкой и неуверенной в себе женщиной. Личная жизнь ее не складывалась, поэтому девушка решила целиком и полностью посвятить себя науке. Но все поменялось в одночасье, когда летом в археологической экспедиции Лида повстречала идеального во всех отношениях Марка. Оробевшая от внезапно нахлынувших чувств, она даже помыслить не могла о том, что он, обожаемый женщинами всех возрастов, обратит на нее внимание. Неверие в себя мешает Лиде принять его искреннюю любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82803-6

© Перова Е. Г., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгения Перова

Я все равно тебя дождусь!

© Перова Е., текст, 2016

© Гранкова В., обложка, 2016

© Vicente Romero Redondo, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Марк остановился у картины Айвазовского – море, небо, облака. Голубое, белое, золотое. Он ненавидел этот морской пейзаж. Айвазовский был ни в чем не виноват, Марк прекрасно знал это, но ничего не мог с собой поделать. Должен же кто-то быть виноват? Пусть Айвазовский.

– Да ладно тебе! – сказала Вика. Она всегда появлялась неожиданно. – Ты же знаешь, он тут ни при чем.

– А кто – при чем?

– Никто и ничто. Как ты?

– Нормально.

– Ты молодец!

– Я справился.

– Это хорошо. Я рада.

– Прости, что...

– И ты меня прости.

– Я давно простил.

– Спасибо.

– Я всегда буду помнить тебя!

– А как же иначе...

И она ушла. Только аромат нарциссов еще витал в воздухе.

Вика...

Марк улыбнулся.

Улыбка была горькой как полынь.

Часть первая Путь Артемиды

*Стулья, на которых нельзя сидеть,
Воздух, которым нельзя дышать,
В маленьком окошке кривая смерть, –
Все это потом, любовь моя.
Руки, от которых нельзя уйти,
Губы, которых нельзя бежать,
Ангел, прикорнувшийся в твоей горсти, –
Все это потом, любовь моя...*

Сергей Шестаков

Лида вывихнула ногу, поэтому второй день занималась камералкой. Настроение у нее было неважное, да и не удивительно: всего несколько месяцев назад внезапно умер от сердечного приступа отец. И хотя Лида не так часто с ним виделась в последние годы, избегая, насколько возможно, общения с мачехой и сводным братом, смерть отца ударила ее очень сильно, и потеря была невосполнима. Рухнула главная опора, пропал камертон, который задавал тон всей ее жизни, и надвигающаяся защита кандидатской уже не радовала Лиду вовсе: отец не дожил!

Но успел прочесть основное – Лида с душевной болью вспоминала выражение отцовского лица, когда он отложил ее рукопись: радостное и несколько удивленное, как будто не ожидал, что из дочери может получиться настоящий ученый. Всю жизнь, всю жизнь она стремилась доказать, что достойна отца – археолога с мировым именем! И вот теперь доказывать стало некому.

Лида вздохнула и взяла очередной нуклеус. «Черная полоса, – думала она, – это просто черная полоса жизни. Ничего, я справлюсь. Ничего». Она умела собираться и концентрироваться, вот и сейчас ей удалось отвлечься, помечая и описывая находки, но голос Захара, донесшийся откуда-то из-за угла школы, служившей им базой, опять заставил ее отвлечься. С этим справиться было гораздо труднее.

Лида давно уже ни на что не надеялась – да, собственно, почти никогда и не надеялась. Она знала себе цену. Синий чулок, старая дева. Мымра в очках – нет, на самом деле без очков, но какая разница. Когда она только собиралась поступать в аспирантуру, подслушала нечаянно разговор матери с подругой, которые чаевничали на кухне:

– Ой, да зачем она идет в аспирантуру! Нужна ей эта кандидатская! Лучше бы замуж вышла, детей нарожала!

А мать грустно сказала:

– Ты же видишь, какая она! Ей только в аспирантуру.

Лида тогда страшно расстроилась: если уж собственная мать считает ее полной уродиней, на что же ей рассчитывать. Ей было почти двадцать, когда она познакомилась с Захаром Клейменовым – в такой же экспедиции, как эта. Познакомилась и влюбилась как дура. Лида наивно советовалась со старшей и более опытной подругой – тогда у нее еще были друзья! – что делать и как себя вести. А старшая и более опытная подруга, как довольно скоро выяснилось, уже всюду встречалась с Захаром и собиралась за него замуж.

«Вот они, наверно, потешались надо мной», – мрачно подумала Лида, когда узнала, наконец, всю правду. Замуж за Захара подруга таки вышла, а Лида долго выбиралась из этой

несчастной влюбленности и, как Людмила Прокофьевна из «Служебного романа», тоже «ликвидировала всех подруг». Брак Клейменовых продержался всего несколько лет, и бывшая Лида подруга крыла бывшего мужа на чем свет стоит, а Лида...

Ее угасшая было влюбленность вдруг снова оживила, питаемая извечной женской надеждой: «Пусть у него не сложилось с сотней других женщин, я – особенная, не такая, как они, и у нас все получится!» Не получилось, хотя Захар весьма ласково ей улыбался, многозначительно заглядывал в глаза, нежно обнимал за плечи и однажды даже поцеловал – Лида неумело ответила. А потом, на обмывании чьей-то защиты в институте археологии, она нечаянно услышала, как уже основательно поднабравшийся Захар обсуждает ее, Лиду, с Федей Левкиным, который Лиде вообще-то слегка нравился и которому – что гораздо существенней! – нравилась она сама:

– Михайлова-то? Да брось, о чем ты?! У меня с ней ничего. Нет, если б я только захотел...

– И что?

– Да влюблена как кошка! Только свистни – прибежит. Но не в моем вкусе, нет. А ты что? Хотел приударить? Ну, флаг тебе в руки!

– Да она вроде ничего...

– Я тебя умоляю! Она же постная как... как доска. Доска и тоска. Зануда, одним словом. Но зато полезная – везет, как рабочая лошадка, и добавки просит. Улыбнешься лишний раз, она и рада, дура.

Лида словно окаменела.

Потом, обретя способность дышать, повернулась и направилась к выходу из института. Она не спала почти всю ночь – такого позора и унижения она не испытывала еще никогда. Захар просто использовал ее влюбленность себе во благо, да еще и обсуждал это с приятелями. Лида вспомнила их единственный не слишком удачный поцелуй и заплакала: как ей теперь с ним общаться, как?! А общаться придется: в экспедицию хочешь не хочешь, а ехать надо; для диссертации найти другого оппонента по ее теме, кроме Клейменова, трудно...

«Ладно, я должна это пережить», – решила Лида к утру. Потом горе от смерти отца заслонило собой все остальное, но какая-то часть ее души тоже умерла в ту бессонную ночь. Лида знала, что держится прекрасно – никто, включая самого Клейменова, не подозревал, какие именно чувства она к нему испытывает – все были неколебимо уверены в ее вечной и безответной любви к Захару. Пусть их! Пусть думают что хотят. В экспедиции ее жалели, потому что Захар совершенно беззастенчиво крутил один роман за другим у нее на глазах. Вот и сейчас у него была юная блондинка с пышными формами – именно ее Лида сменила на камералке, и блондинка унеслась галопом прямо в объятия Захара.

– Лида, ты человек! Нет, ангел! Просто ангел! – сказал Захар, проникновенно заглянув ей в глаза, пока блондинка нетерпеливо переминалась у машины – они собрались в Трубеж, якобы за продуктами. Лиду затошнило от его фальшивой интонации: и как только она могла покупаться на это раньше?! ореол несчастной любви окружал Лиду легкой таинственностью и служил прекрасным оправданием ее одиночества, которое на самом деле тяготило ее все больше и больше, но как разорвать этот холодный круг, очерченный железным циркулем, Лида не понимала: она больше не верила никому. Только детям.

В этой экспедиции их было четверо: близняшки-десятилетки Мотя и Тотя, подросток Ванечка и шестилетняя Ксюша, внучка поварихи Анны-Ванны: крошечная девочка с белокурыми кудряшками была любимицей всей экспедиции, а Лиды – в особенности. Повариху на самом деле звали Анной Ивановной – большая, громогласная, с вечно красной физиономией в капельках пота, она была столпом экспедиции, и Лиде казалось: если однажды Анна-Ванна не придет к ним кашеварить, все тут же развалится, да так, что и не собрать. Молодые знать не знали, откуда взялось это прозвище поварихи и почему она зовет их поросятами –

кто ж теперь помнит стихи Квитко: «Анна-Ванна, наш отряд хочет видеть поросят!» Но Лида знала. Глядя на то, как она возится с ее девочкой, Анна-Ванна сказала как-то:

– Их, девка! Что ты с чужими нянькаешься, тебе своих пора заводить. Плюнь ты на козла-то этого, что ли, мужиков больше нет? Замуж не хочешь – так я тебя понимаю. Хрен с ним, с замужем! Баба и одна справится, вон я – троих вырастила, а муж что был, что нет, пьяница проклятый. Но ребенка-то надо завести, как без дитяти! Заведи, да и все, кому какое дело. И без мужика вырастишь, ничего: даст Бог зайку – даст и лужайку!

Замуж Лиде и правда не хотелось – брак ее собственных родителей был плохим примером: отец Лиды ушел из семьи, когда ей было десять. Лида запомнила на всю жизнь разговор в школьном дворе: отец сам обо всем рассказал, и, как ни странно, Лида прекрасно его поняла – она давно ждала, что этим кончится, настолько разными людьми были папа с мамой, да и поженились они, в общем-то, случайно. Людмила – Люсик, как ее звали подруги, – приехала в отцовскую экспедицию волонтером за компанию с кем-то из друзей. И как-то так получилось, что через девять месяцев на свет появилась Лида.

Отец продержался целых одиннадцать лет. Спасало то, что он все время уезжал – то в экспедиции, то на конференции, да и работал допоздна. Лида редко его видела, но боготворила и понимала, что папе совершенно невозможно жить среди маминых ковров и хрустальных ваз, с которых Лиде приходилось сметать пыль метелочкой из розовых перьев. Люсик любила принарядиться, повеселиться, а тут – книжки, пыльные камни, грязные площадки...

Отец ушел в никуда, оставив им квартиру. Несколько лет Лида страстно мечтала, что у папы каким-то образом наладится жизнь и он заберет ее к себе! Жизнь у папы наладилась: когда Лиде исполнилось пятнадцать, папа женился на своей аспирантке, у которой уже был ребенок – мальчик, а отец всегда мечтал о сыне. Так что Лиде совершенно не было места в новой папиной семье, хотя он по-прежнему брал ее в экспедиции и зазывал в гости, но Лида никогда не любила навязываться.

Лида с матерью жили в состоянии «холодной войны», временами переходившей в «горячую»: Люсик давно уже оставила попытки воспитать из Лиды «настоящую девушку» и с отвращением смотрела на ее бесконечные джинсы и кроссовки, а Лида – с не меньшим отвращением на материнские кудряшки и оборочки. Так что семейная жизнь Лиду привлекала мало. Она привыкла надеяться только на себя. Она бы и с ребенком прекрасно справилась. Но как его завести? Как будто это щенок! Ребенка на Птичке не купишь. Как его заведешь – одна?

Задумавшись, Лида не сразу осознала, что давно уже слышит какой-то надсадный, все приближающийся звук, как вдруг большой черный мотоцикл вылетел из кустов и резко затормозил у школы, взметнув гравий. Мотоциклист – Лида даже подумала про него: «всадник», уж больно резво тот «прискакал», – мотоциклист слез, снял шлем, повесил на руль, расчесал пятерней взлохмаченные волосы и с чувством потянулся. Потом огляделся по сторонам, увидел Лиду, сидевшую под «грибком», и направился к ней.

Это был высокий молодой мужчина в джинсах и клетчатой рубашке с закатанными рукавами – точно такой же, как на Лиде, только у него рубашка была заправлена в джинсы, а у Лиды – завязана узлом под грудью: жарко.

Подойдя поближе, он тоже это заметил и засмеялся:

– И Музе я сказал: «Гляди! Сестра твоя родная!» – и сел напротив. – Привет, сестра! Надо же, какие мы с тобой одинаковые! А это что – бандитская пуля?

Он кивнул на ее повязку, и Лида тут же убрала ногу под стол, в панике подумав, что эластичный бинт наверняка грязный. Она потянулась было развязать узел рубашки, чтобы опустить полы – неприкрытый живот вдруг показался ей крайне неприличным, но опомнилась: «Да что это со мной, в самом-то деле?!»

– А мы что, знакомы с вами? – холодно спросила она, покосившись на его руки, находящиеся так близко от ее собственных – столик для камералки был маленький. Руки как руки –

обыкновенные мужские руки, сильные, загорелые, со светлыми волосками. «И чего я уставилась?!»

– Нет, мы с вами не знакомы. – Он мгновенно принял подачу, нисколько не смутившись: «Пожалуйста, раз ты предпочитаешь общаться так, я готов!» – Я Шохин. Марк Шохин.

«Я – Бонд, Джеймс Бонд», – молнией пронеслось у Лиды в голове, и она с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться – но, похоже, он этого как раз и добивался.

– Я приятель Захара Клейменова, знаете такого? – И, заметив, что она еще больше заледенела, тут же поправился: – Ну, не то чтобы приятель – скорее просто знакомый. Я многих тут знаю – каждый год приезжаю к ребятам, а вас вот ни разу не видел. Я из Трубежа. Не были у нас в музее?

– В музее? Нет...

У Лиды вдруг что-то щелкнуло в мозгу, и она, наконец, поняла, кто это – ну да, конечно же, Марк Шохин! Реставратор из трубежского музея. Она была наслышана о нем и его великой безответной любви – экспедиционные девицы перемыли Шохину все кости, дожидаясь его приезда. Те, кому повезло увидеть загадочную шохинскую Александру, недоумевали, что он в ней нашел – самая обычная, ничем не примечательная. Правда, говорит так, что заслушаешься, это да. А в остальном... Но все дружно сходились на том, что это о-очень романтическая история! И каждая втайне мечтала заполучить мужчину, умеющего так долго и верно любить.

Марк заметил, что Лида внезапно оттаяла, и догадался: она знает! Знает, кто он, и знает про Александру, поэтому и расслабилась, решив, что он не станет к ней клеиться. Это его слегка удивило – обычно девушки с ним кокетничали, а тут... Ах, черт! Так это же, наверно, та, которая безнадежно влюблена в Захара, – Марк тоже был в курсе экспедиционных сплетен. И почему это тонких, интеллигентных девушек привлекают такие хамоватые Захары, подумал он. И правда – сестра по несчастью.

– А я Лида Михайлова, – весьма неожиданно для себя самой Лида Михайлова протянула Марку Шохину руку над столом с нуклеусами и отщепами. Она никогда никому не подавала руки! Марк улыбнулся, они на секунду встретились взглядами, и Лида поняла: Марк знает про нее и Захара.

– Ну, вот и познакомились. – Марк нахмурился: его охватило странное чувство, что все это уже однажды было – дощатый стол, «грибок», камералка, серьезный взгляд... Лида испытывала такое же ощущение и пыталась понять, почему Марк кажется ей таким знакомым?

– А мы не могли с вами раньше встречаться? – спросил Марк очень просто и в то же время заинтересованно – Лида видела: это не заигрывание, он и правда пытается вспомнить! Как странно...

– Я бы вас запомнила, мне кажется, – ответила Лида и тут же покраснела, потому что прозвучало так, словно она сама с ним заигрывает.

– Странное ощущение это дежавю, правда? Ладно, пойду к народу. Еще увидимся.

И Марк ушел, а Лида склонилась над очередным артефактом, с трудом удержавшись, чтобы не оглянуться ему вслед. «Вот черт его побери! – мрачно думала Лида. – Как он это делает?! Строишь-строишь бастионы и крепостные стены, а тут прискачет принц на черном коне – и все, конец Золушке! Не-ет, я не дамся. Мне совсем не надо в него влюбляться, еще не хватало. У него есть своя собственная принцесса, так что, Михайлова, ты свободна. Ты нисколько ему не понравилась, успокойся. А не можешь – иди, посмотри в зеркало на свой унылый нос! А еще лучше – вспомни, что сказал твой любимый Захарчик: «Постная дура, доска-тоска, полезная зануда!» Тебе мало было?!» И, довольно успешно приведя себя в чувство, Лида тоже отправилась к народу.

В тот же вечер, когда Лида читала, сидя за длинным обеденным столом под тусклой лампочкой, покачивающейся на ветерке, Марк подошел к ней и сел напротив:

– Привет!

Лида невольно улыбнулась – невозможно было не улыбаться, глядя на него.

– Что вы читаете?

Лида показала – Марк присвистнул:

– По-английски читаете?! Здорово!

– Я английскую спецшколу закончила.

– А почему вы решили стать археологом?

Лида видела, что ему на самом деле интересно.

– У меня отец был археологом, ну и... как-то так.

– Был?

– Он умер в конце февраля. Внезапно.

– Инфаркт?

– Да, сердце.

– Горе! А мой отец болеет. – Марк вздохнул. – Очень тяжело. Перспектив никаких.

Недолго осталось. Я вырвался на пару дней, там мама с ним...

– Рак?

– Да.

Лида молча смотрела на Марка – она не знала, что говорить, да и вообще не очень умела утешать. У него было серьезное лицо, и разговаривал он с Лидой совсем не так, как с экспедиционными девицами: Лиде все время казалось, что Марк посмеивается про себя, глядя, как они лезут из кожи, чтобы привлечь его интерес.

– Даже не знаю, что хуже, – произнесла она задумчиво. – Когда человек мгновенно уходит или когда ты знаешь, что должно случиться...

– Для того, кто уходит, конечно, лучше мгновенно. Без мучений. А для остающихся... Не знаю. Все равно до конца невозможно в это поверить. В прошлом году сестра папина умерла, тетя Даша. Долгая жизнь, семьдесят семь лет, а все равно – горе. Она хорошая была, добрая. Вот тетка Рая, та суровая. Ей девяносто два! Но в полном рассудке, газеты читает, политикой интересуется.

– Сколько же у тебя теток?!

Марк мгновенно отметил это ее невольное «ты», но не подал виду.

– Семеро.

– Да ты что!

– У отца еще трое братьев было. Большая семья. Он – младший.

– И что, вы все вместе жили, что ли?!

– Да нет, что ты! Я вообще-то и не застал половину – кто на войне погиб, кто так. И тетя Даша с нами только последние пять лет жила – одинокая была, без детей. У нас дом огромный, все время кто-нибудь жил, то родственники, то друзья.

– А кто твой отец?

– Работник милиции. – Марк как-то помрачнел, и Лида подумала: «Что я вдруг полезла с расспросами? Вот дура!»

Они молча смотрели друг на друга, и Лиде казалось, что в пространстве вокруг них строится какая-то призрачная конструкция, невидимая паутина, связывающая их друг с другом все крепче и крепче. Она кашлянула, пытаясь избавиться от наваждения, и спросила:

– А ты что реставрируешь?

– Масляную живопись. Картины. А так вообще все могу: мебель, фарфор. А что делать?

Приходится.

– Ничего в этом не понимаю.

– Ты знаешь, это чем-то похоже на археологию. Только в микроскопическом масштабе.

– Реставрация картин? И чем?

– Ну вот смотри – раскоп, да? Вы снимаете наслоения, делаете стратиграфию, всякое такое. А представь себе картину или икону – там же тоже много разных слоев: холст, грунт – а бывает грунт многослойный, имприматура – это такой цветной грунт, потом рисунок может быть на холсте подготовительный, правильно? Дальше – красочный слой, он тоже разный бывает, лессировки, лак...

Лида заслушалась: Марк так увлекся!

– А еще бывают записи – знаешь, что это?

– Записи?

– Это не то что ручкой по бумаге, это краской по авторской живописи, понимаешь? Кто-то другой взял и записал: может, авторская живопись повредилась как-то, может, для продажи взял да «улучшил».

– Но это же подделка, нет?

– Вот видишь, ты понимаешь! Реставратору надо сообразить, где – автор, где – поздние записи, и что-то удалить, а что-то, может быть, и оставить. Собрать в единое целое. В живописи много загадок, очень интересно. Иногда на рентгене такое видно, что только удивляешься. Вот я был на конференции в Москве, так представляешь, какая история: прижизненный портрет Пугачева, он всю жизнь висел в музее на экспозиции, и считалось, что написан поверх портрета Екатерины II. Даже что-то вроде расчистки было сделано, так что лицо ее виднелось из-за плеча Пугачева, а потом провели исследования, и выяснилось, что это вовсе и не Екатерина, а какая-то посторонняя дама, и сам Пугачев написан гораздо позже, в конце XIX века! Или Даная Рембрандта – помнишь, как в Эрмитаже какой-то псих Данаю кислотой облил? Так во время реставрации выяснилось, что...

– Да, интересно! – Лида поднялась, прижимая к груди книжку: ей вдруг стало страшно. Марк разговаривает с ней так, как будто они и правда друзья.

«Ты забыла? У тебя нет друзей. Друзья предают. Всегда. И Марк – он уедет через день и не вспомнит о тебе. А ты будешь собирать себя по кусочкам».

– Поздно уже. Я пойду, пожалуй. Спасибо тебе за... Ну, в общем, спасибо.

Марк проводил ее внимательным взглядом и еще долго сидел в качающемся круге света с задумчивым видом и разглядывал сучки в дощатой столешнице. Потом пошел спать.

А Лида долго не могла заснуть, вспоминая сегодняшней день – она прекрасно видела, как рады Марку мужики, как виснут на нем девицы, как бегают за ним дети, и говорила себе: «Видишь, какой он? Обаятельный, открытый, доброжелательный, искренний. Теплый. И при чем тут ты?! Он слишком хорош! Такие мужчины не обращают внимания на таких мымыр, как ты, Михайлова, так что – остынь!» Но сколько Лида ни убеждала себя, что Марк не имеет к ней никакого отношения и не испытывает к ней ничего особенного, что он ведет себя так со всеми, – не помогало. И каждый случайный взгляд, каждое сказанное мимоходом слово, каждое нечаянное прикосновение словно пробивало новую брешь в ее броне.

И если бы она только знала, что этот обаятельный и привлекательный мужчина, этот принц на черном коне думает про нее то же самое: «Остынь, она слишком хороша для тебя. Москвичка, интеллигентка, почти кандидат наук, по-английски вон читает. Отец – известный археолог. А ты кто? Провинциальный реставратор с незадавшейся личной жизнью. Только и умеешь, что обольщать недалеких девиц...»

На следующий день, в субботу, все колготились на речке. Лида не хотела было, но потом взяла себя в руки и тоже пошла. «Ладно, – подумала, – просто позагораю». Она боялась опять подвернуть ногу, которую и вывихнула, выбираясь из воды на скользкий глинистый берег. Улеглась на бережку с книжкой, стараясь не слышать, как орет и визжит на реке экспедиционная молодежь. Вдруг солнце загородила какая-то тень – она посмотрела из-под руки: это был Марк, совершенно мокрый и голый, в одних плавках. Он сел рядом с ней прямо на траву:

– Можно, я тут около тебя посижу? А то замучили.

– Посиди. – Лида усмехнулась: – Я что, буду вместо пугала?
– Ну что такое ты говоришь?! – Марк возмутился. – И вообще, почему ты так к себе относишься?

– Как?

– Наплевательски!

– Откуда ты знаешь, как я к себе отношусь?!

– Я вижу.

– Послушай, знаешь что! Иди-ка ты к своим девицам!

– Ты что, ревнуешь?

Лида вскочила – как он смеет так с ней разговаривать! Но Марк схватил ее за руку:

– Пожалуйста, сядь! Мы привлекаем внимание – все решат, что мы ссоримся.

Лида села. Внутри у нее все кипело.

– Нет, что ты о себе вообразил?!

– Прости. Ну, пожалуйста, прости. Не знаю, что на меня нашло.

– Что тебе от меня надо?

– Да, собственно, ничего.

«Господи, мы же ссоримся, как любовники!» – подумала она.

– Ладно, ты тоже прости. И что я взвилась на пустом месте, не знаю.

– А я тебе артефакт принес. – Марк протянул ей мокрый камешек.

– Да какой же это артефакт! Это просто камень.

– Ну вот! А я-то думал, археологическое открытие совершил.

– На босую ножку похож, надо же! Маленькая каменная ступня с растопыренными пальчиками. Где ты его взял?

– В реке нашел. Наступил на него. А я подумал, может, и правда обломок скульптуры, уж больно натуральная ножка.

– Да нет, вряд ли. Каких камней только не бывает!

– Возьми себе, на счастье.

– Ладно, спасибо...

И Марк ушел. А Лида смотрела ему вслед, сжав в руке камешек-ножку. Но потом, когда все разошлись, подошла к воде и, размахнувшись, закинула подальше подарок Марка. «Нет, не хочу я этого. Не хочу. Слишком больно».

Ночью ей приснился странный сон: огромное помещение вроде стадиона и толпы людей, снующих туда-сюда. Но все они были какие-то одноцветные и плоские, и только два человека посреди этой странной толпы выглядели живыми: она и Марк. Лида видела все как бы сверху и чуть сбоку – две трехмерные цветные фигурки бродили среди серых теней и никак не могли найти друг друга, то сближаясь, то расходясь, – она закричала и замахала руками, показывая, куда им идти, чтобы встретиться, но напрасно...

– Лида! Лида, ты спишь?

Лида подскочила, резко очнувшись:

– Кто это?!

– Это я, Марк. Выйди на минутку, пожалуйста!

Сердце у Лиды заколотилось так, что она прижала руку к груди – вдруг выпрыгнет. Она натянула ветровку и вышла из палатки – хотя большинство народа жило в школе, Лида предпочитала существовать отдельно ото всех. Марк стоял, держа шлем в руке, с рюкзаком на плече – он с легкой улыбкой взглянул на испуганное и еще сонное лицо Лиды и ее спутанные волосы:

– Извини, что разбудил.

– Ты что, уезжаешь?

– Да, пришел попрощаться.

– Ну, пока. В смысле – прощай. То есть до свидания. – Лида покраснела: что она бормочет, как полная идиотка!

– Надеюсь, еще увидимся.

– Я тоже...

Марк смотрел ей прямо в глаза, очень серьезно, и Лида никак не могла отвести взгляд.

– А ты не хочешь... прокатиться со мной? – Марк все эти дни без конца катал визжащих девчонок на своем «черном коне».

– Нет! – У нее вдруг пересохло в горле. – Спасибо, не стоит.

– Боишься? Я хорошо вожу мотоцикл.

Лида опустила голову, но потом справилась с собой – обоим было понятно, что говорят они вовсе не о поездке на мотоцикле:

– Мне кажется, ты возил на нем слишком многих.

Марк помолчал, потом усмехнулся:

– Что ж, это верно. Да, ты достойна быть единственной... пассажиркой. Ну ладно, пока. Удачи тебе, Артемида, – повернулся и ушел, помахивая шлемом.

Лида смотрела ему вслед: почему – Артемида?! Почему? Она вернулась в палатку, влезла опять в спальник, заткнула руками уши, чтобы не слышать постепенно удаляющегося звука шохинского мотоцикла, и часа два приводила себя в чувство: «Ты все сделала правильно. Только вспомни, как ты страдала раньше. А ведь то, что казалось тебе влюбленностями – даже в Захара! – не идет ни в какое сравнение с этим чувством, которое ты даже не знаешь как назвать. Все, что было раньше, это так – рябь на воде, а это...

Подводное землетрясение!

Ты не успеешь глазом моргнуть, как цунами сокрушит тебя напрочь.

Так что все правильно.

Ну, подумаешь, пострадала немножко. Значит, еще живая.

Все нормально, ты справишься!»

Она, конечно, справилась, но не сразу – как нарочно, еще долго все разговоры так и вертелись вокруг Марка Шохина:

– Ах, какой обаятельный!

– Такой романтичный!

– Ты подумай, влюбился в эту свою Александру чуть ли не мальчишкой!

– И до сих пор верен своему чувству!

– Ну да, как же, верен! – прокомментировал, посмеиваясь, все тот же Захар. – А сам трахает все, что движется! А то – романти-ичный! Знаем мы этих романтиков. Везет дураку, бабы сами на шею вешаются.

– А тебе завидно? – спросила Лида.

– Что, и ты влюбилась?

– Разве можно в него не влюбиться? – спокойно ответила Лида.

Захар предпочел промолчать: в последнее время он как-то ее побаивался, сам не понимая почему.

А Анна-Ванна поманила Лиду к себе на кухню и тихо сказала:

– Ты, девка, не слушай никого. Марк Шохин парень хороший, надежный, а что обаятельный – так это ж лучше, чем хмырь болотный. Главное, не бабник. Этот козел твой правильно сказал: бабы сами Марку на шею вешаются, а не он за ними бегают.

– Так что ж хорошего, если вешаются?!

– А чувят настоящего мужика! Умная женщина с этим справится.

– Да мне-то какое дело до Марка Шохина!

– А то никакого?

Лида пожала плечами и ушла, а Анна-Ванна только вздохнула ей вслед: ой, девка-девка!

Зимой Лида защитилась. После двух недель безудержного счастья – «Я свободна, свободна!» – она задумалась: что, вот это и есть ее жизнь? Все те же раскопки, все та же работа – только уже над докторской, все те же статьи и конференции? И все? Ну, еще книга, которая вот-вот выйдет из печати, – музей издал. Материалом, правда, заинтересовались англичане, но будет ли английское издание, бог весть...

О Марке она почти не думала – выкинула из головы и сердца эту блажь, это наваждение. Ничего, справилась. Вовремя унесла ноги. Но мысль о том, что ей нужен ребенок, не оставляла Лиду. Это была мощная и неодолимая физическая потребность – как голод или жажда. Она думала об этом постоянно, оглядывалась на всех встречных младенцев, представляла себе крошечное родное существо, нянчилась с ним в необычайно ярких и реальных снах, после которых просыпалась в полной тоске. Иногда ее даже посещала иррациональная мысль, что с такой страстью вымечтанный ребенок каким-то неведомым образом вдруг материализуется. И сама над собой смеялась: «Михайлова, ты окончательно сошла с ума!»

В ее душе постепенно зрело решение, которое она словно скрывала от себя самой: одна Лида старалась не думать об этом вообще, а другая – упорно возвращалась и возвращалась к мысли: если в это лето Марк приедет, то она... попробует. Что ему стоит? И с ним не страшно. Ему, пожалуй, можно доверять! Или тоже нельзя? «Но я ни на что не буду надеяться, ничего не буду ждать от него, да мне ничего и не надо! Пусть он живет своей жизнью, пусть спит с кем хочет, любит кого хочет – только бы подарил мне ребенка! Потому что у меня не получится больше ни с кем. Только с ним».

Лида окончательно осознала все это лишь недели полторы спустя после начала полевого сезона. Она почему-то все время нервничала и дергалась, а потом проснулась посреди ночи – примерещился звук приближающегося мотоцикла – и заплакала: «Господи, я же жду Марка! Какая я все-таки дура...»

А Марк все не приезжал. Это был тяжелый год для Шохиных: умер долго болевший отец – отлучился, как сказала его старшая сестра и добавила:

– А про меня вот Господь забыл, видно...

Но через пару месяцев сестра все-таки догнала брата – сжалился Господь. Марк с матерью остались вдвоем в огромном доме, где еще бродили призраки ушедших жизней, и Марк с тревогой наблюдал, как мать превращается в бледную тень былой красавицы: она никак не могла пережить смерть мужа, и Марк не знал, как ее утешить. Ему всегда казалось, что именно отец любил, а мать принимала его любовь как подарок. Всегда спокойная, слегка насмешливая, она немножко поддразнивала отца, относившегося к ней как к прелестному балованному ребенку, которому позволено все. Отец был на шестнадцать лет старше, и Марк всегда думал, что это красавица мать увела отца из семьи, где остались сводные брат и сестра, которых он никогда в жизни не видел. Марк никогда не спрашивал у родителей об их прежней жизни, лишь случайно узнавал какие-то подробности, и только после смерти отца мать стала понемножку рассказывать о прошлом.

Марк с изумлением узнал, что все было ровно наоборот: это отец, уже несколько лет куковавший один, разрушил брак матери. Познакомила их подруга Тамара, к которой мать приехала в гости, – то ли у Тамары уже был роман с Николаем Шохиним, то ли только собирався быть, но, как только Николай увидел Ольгу, все было решено раз и навсегда. Москвичка Ольга бросила весьма благополучного и очень обеспеченного мужа-профессора ради совсем не благополучного и вовсе не обеспеченного провинциального оперативника. И теперь, оставшись одна, Ольга Аркадьевна никак не могла смириться...

Вот Марк и затеял с размахом отметить материнский юбилей, чтобы как-то отвлечь ее от грустных мыслей, хотя дата была не круглая – шестьдесят пять. Ольгу Аркадьевну в Трубеже хорошо знали и любили: она преподавала в училище и в художественной школе, читала

в музее лекции по искусству, а Шохин-старший был фигурой еще более значительной: много лет возглавлял местное ОВД.

«Великая любовь» Марка – Саша Никанорова – тоже пришла на праздник. Ольга Аркадьевна, не одобрявшая этого увлечения сына, с печальной иронией называла Александру «дамой сердца» своего непутевого сына. А увлечение было давнее: первый раз Марк увидел Сашу в детстве. Конечно, тогда он не знал, что это Саша – просто девочка, шедшая рядом с бабушкой. Девочка в яркой клетчатой юбочке и с таким же клетчатым бантом в длинной русой косе. Марк никогда не видел раньше бантиков в клеточку и удивился.

Они с приятелем – Сережкой Синельниковым – бежали в парк на летнюю веранду, где должен был вот-вот начаться концерт школьной самодеятельности в честь Дня пионеров. Ребята участвовали в танцевальном номере и уже опаздывали, а бабушка с девочкой загородили всю дорогу. Девочка обернулась посмотреть, кто там шумит, и показала им язык, а Марк, пробегая мимо, дернул ее за косу. Она хотела треснуть его папкой, но не успела.

А потом Марк увидел ее на сцене – маленькая, серьезная, она вышла и села на стульчик перед огромным черным роялем. Нахмурилась, потом решительно наклонила голову вперед – словно боднула воздух перед собой – и заиграла. Марк опять удивился. Он никак не ожидал, что эта малявка в белых гольфах с помпонами будет так уверенно колотить по клавишам: девочка играла что-то быстрое, динамичное – может, это был «Венгерский танец» Брамса? Ее маленькие руки так и порхали над раскрытой пастью рояля, полной белых и черных зубов, и Марку казалось, что рояль – это кит, который сейчас проглотит девчонку.

Окончив играть, она встала, вышла к рампе и поклонилась, а потом так улыбнулась, сморщив нос, что зрители засмеялись, а Марк засвистел – он классно умел свистеть. Девочка увидела, кто свистит, и уже из кулисы опять показала ему язык. Марку было двенадцать, и девочка – он запомнил ее мальчишеское имя: Саша, Александра! – совершенно поразила его воображение. Она словно зацепила его острым крючком, привязанным к тонкой невидимой леске, и потом он долго пытался в каждой девчонке найти Сашу – похожа, нет? Все были не похожи.

А когда они встретились в следующий раз, Александра уже была замужем. Марк узнал ее сразу: коса, улыбка, взгляд серо-зеленых глаз, манера морщить нос – все выдавало в ней ту девчонку с клетчатым бантом. Александра его не узнала, да и с чего бы. И Марк ринулся ее завоевывать, покорять, отбивать, пока – довольно скоро – не понял: бесполезно. Саша не обращала ровно никакого внимания на все его маневры, держалась с ним спокойно и отстраненно, хотя не могла не видеть, что Марк влюблен. Со временем между ними образовались странные отношения, которые Ольга Аркадьевна обозначила по-французски: *amitiee amourette* – любовная дружба.

Сашиного мужа, обожаемого ею «Толичку», Марк ненавидел: казалось, тот не ценит Александру, не понимает, какое сокровище ему досталось, – муж был физик и не находил ничего интересного в ее искусствоведении. Марк решительно не понимал, почему, почему она любит этого Толичку, за что?! У них же нет ничего общего! А с Марком – сколько угодно: они читали одни книги, им нравилась одна живопись, они смеялись над одними шутками, они каждый день курили вместе, болтая обо всем на свете!

Со временем Марк смирился, но тот острый крючок, который впился ему когда-то в сердце, так там и застрял. И леска была прочна. Марк бился на этой леске, как форель в ледяном горном ручье. Сто раз он пытался сорваться с крючка – ничего не выходило. У него случались мимолетные романы, но стоило Александре только ласково взглянуть на Марка – все возвращалось. Если бы они не работали вместе, если бы не встречались каждый день!

Далеко не красавица, Саша обладала той загадочной манкостью, что привлекает мужчин, – недаром ее недолюбливали женщины. Обаяние, ум, начитанность, изысканные манеры, талант рассказчицы, артистизм, некий культурный флёр, сотканный поколениями предков –

Саша была из дворянского рода, – окутывал Александру и придавал ей притягательность. Но Марк не мог не осознавать, что его «великая любовь» выдохлась со временем и продолжает он эту игру по привычке. «Мне нужно на кого-нибудь молиться!» – пел Окуджава, а Марк Шохин так жил.

На юбилей Ольги Аркадьевны Александра пришла одна, без Толика, и Марк ходил за ней хвостом, все на что-то надеясь. Но Саша была непривычно грустна и молчалива. Марк выпил пару лишних рюмок, окончательно впал в тоску и ушел в сад, где неожиданно заснул в беседке. Проснулся от звука Сашиного голоса – она разговаривала с кем-то снаружи, Марк так и не понял, кто это. Он прислушался, сел – объявляться было поздно: уже услышал все, что не должен был знать. Со слезами в голосе Саша рассказывала о том, что совсем недавно они с мужем узнали горькую правду: Толя не мог иметь детей – последствия давнего случайного облучения.

– Ты представляешь? У меня все просто прекрасно, а у него...

– Боже мой, какое горе! – ответила собеседница. – А вы не думали усыновить?

– Нет, это не для меня. Чужой ребенок... Нет, я не смогу. Бедный Толик! Он так переживает!

Они ушли. Марк сидел еле живой, никак не мог прийти в себя. Сначала безумная надежда, что ради возможности иметь ребенка Саша оставит Толика и уйдет к нему, к Марку! А вдруг! И полное отчаянье, когда он осознал: теперь она точно никогда не бросит своего прекрасного Толика – она не такая. Нет.

На самом деле Марк уже с прошлого лета знал: та леска, что держала его долгие годы, вовсе не так прочна. Может, пора ее оборвать? А может, ее и вовсе никогда не было, этой лески? Может, он просто привык считать Александру своей «великой любовью»? Вон и лучший друг Синельников говорит: да ты просто прикрываешься. Выдумал себе «прекрасную даму», чтобы отмазка была от женитьбы. Смотри, так бобылем и останешься. Сам Сережка еще со школы обхаживал Наташку Орлову – они ссорились и мирились по пять раз на дню, а расписались, когда их пацану было уже полгода – это была вторая попытка, первый раз Синельников умудрился опоздать на собственную свадьбу...

Целую неделю Марка одолевала тоска, и в субботу он, наконец, решил поехать к археологам, отвлечься. И, может быть... Да нет, ерунда. Даже себе самому он не признавался, зачем едет к археологам. Приехал и попал на какой-то праздник. Сел за стол, незаметно оглядываясь в поисках Лиды, потом увидел – сидит как раз напротив него, задумавшись и глядя в пространство. Выглядела она довольно мрачно, и Марк удивился – оказалось, что праздник как раз в ее честь!

Лида не любила отмечать свой день рождения, тем более в экспедиции, но деваться было некуда. Она даже не осознала, что за столом появился новый гость – все еще суетились, устраивались, передавали друг другу бутылки и закуски. Аппетитная юная блондинка, жавшаяся к Захару, сказала сладким голоском, кокетливо глядя на Марка:

– А у Лидочки юбилей, между прочим! Сорок!

– Вообще-то тридцать, – произнесла Лида, опустив голову, но блондинка услышала:

– Надо же! А я думала – сорок!

«Вот сучка», – подумал Марк, с состраданием глядя на Лиду, которая по-прежнему его не замечала. А Лида давно уже перестала ждать Шохина, поэтому просто обомлела, услышав его голос:

– Привет, Артемида!

Она сглотнула, досчитала до десяти и только потом подняла глаза: Марк!

– Откуда ты взялся?! Я не слышала твоего мотоцикла.

– Я подкрался незаметно. Поздравляю, у тебя, оказывается, день рождения. А я без подарка.

Они улыбались, глядя друг другу в глаза. Марк был немного другой, чем она помнила, но Лиду опять охватило уже знакомое по прошлому лету паническое чувство: он читает ее как открытую книгу! Увидев улыбку Марка, она словно сорвалась с обрыва и теперь падала с огромной скоростью в разверстую пропасть – кровь прилила к щекам и голова закружилась. Лида выскочила из-за стола, убежала подальше к реке и села на берегу, обхватив колени руками и вглядываясь в темноту, где все время что-то шуршало и шелестело. Он придет. Не может не прийти. Ее трясло, мысли перемешались, и почему-то казалось, что все сидевшие за столом поняли, из-за чего она сбежала с собственного дня рождения...

Кто-то кашлянул совсем рядом, и Лида, нервно обернувшись, увидела светящуюся точку – огонек от сигареты. Марк пришел.

– Лида?

– Это я. Ты... ты не дашь мне сигарету?

– Разве ты куришь?

– Так, иногда.

– Прости, эта последняя! Если не побрезгуешь...

Она взяла, пару раз затянулась и вернула ему:

– Ну вот, мы с тобой раскурили трубку мира.

– Вроде того.

Они помолчали, а потом Марк сказал:

– Слушай, да не расстраивайся ты так из-за этого идиота. Рядом с ним такая женщина, а он все каких-то мочалок выбирает.

Лида не сразу поняла, о чем Марк говорит, – господи, он думает, она страдает из-за Захара!

– Я не женщина, я кандидат наук, – ответила она угрюмо.

– Кандидатскую защитила? Ну, ты даешь! Здорово! Молодец!

– А что мне еще оставалось делать?

– В смысле?

– В прямом! Все вон уже по сто раз женились-переженились, а я...

«Какой ужас, я пытаюсь его разжалобить!» – думала Лида, но не могла остановиться:

– Я даже не целовалась ни с кем никогда...

Про поцелуй с Захаром она благополучно забыла.

– Ты знаешь, – задумчиво сказал Марк, – это все потому, что ты очень строгая и серьезная. Мужики к тебе просто подойти боятся. По тебе же сразу видно: так просто не отделаешься. Не то что Захаровы мочалки – поматросил и бросил. А ты не такая.

– Боятся! И ты боишься?

– Я не боюсь. Но я же не собираюсь за тобой ухаживать... То есть... Я не потому не собираюсь ухаживать, что ты мне не нравишься, ты мне как раз даже нравишься, то есть не в том смысле, что... просто я... у меня... Черт! – Он совсем запутался и замолчал.

– Значит, ты так это видишь? Что я такая неприступная?

– Ну да. А ты сама что думаешь?

– Я думаю... – Она вся сжалась, но выговорила: – Я некрасивая и неинтересная.

– Ты... что?! Некрасивая?!

Марк так удивился, что Лида взволновалась:

– А разве не так?

– Некрасивая! Ну, ты меня достала! Всё! – Он разозлился, придвинулся к ней совсем близко и взял под руку, крепко прижав. – Это чтоб ты не сбежала. Я сейчас тебе буду рассказывать, какая ты красивая. Боже, и почему бабы такие дуры!

Лида дернулась было, но Марк держал крепко:

– Сидеть! Значит, так. Во-первых, у тебя прекрасная фигура.

– Откуда ты знаешь?!
– Я же видел тебя в купальнике! В прошлом году.
– И разглядывал?!
– Да я всех женщин разглядываю. А тебя так даже с удовольствием. У тебя великолепные ноги...

– Сорок первого размера!
– Да при чем тут размер! Очень красивые ступни, а линия бедра просто идеальная, и – прости, если оскорблю твою тонкую и возвышенную душу, – весьма соблазнительная задница! Марк злился, а Лиде казалось, что все это происходит не с ней.

– Так, руки! Руки просто прелестные – длинные пальцы, тонкие запястья...

Марк погладил ее пальцы и запястья, и Лида закусил губу: на его слова и прикосновения тело реагировало совершенно недвусмысленно, и Марк, словно догадавшись, отпустил ее руку и слегка отодвинулся.

– Красивые волосы – с рыжинкой, длинная шея, изящные плечи. Про грудь можно говорить, или ты сразу умрешь?

– Можно...

– Великолепная грудь. Небольшая, но очень красивой формы, и ты вполне можешь себе позволить ходить без лифчика, это так сексуально! Так, теперь о грустном.

– Ну вот! Это ты про мой нос?

– Нос? А что не так с носом? Нормальный нос. Ты одеваешься неправильно. Что это за штаны на тебе?

– Удобные...

– Удобные! Узкие джинсы, шорты, мини-юбку, майку в обтяжку! Или, наоборот, балахон какой-нибудь экстравагантный – рост тебе позволяет. И прическа! Зачем этот унылый хвост?

– А как?

– Или кардинально короткая стильная стрижка, или греческий узел. В тебе вообще есть что-то античное: Артемида, Диана-охотница! Браслеты, кольца, длинные серьги – но все должно быть такое необычное, понимаешь? Не эти сладкие побрякушки, а грубое, экзотическое. У тебя красота своеобразная, ее надо подчеркивать.

Лида сидела, прижав ладони к горевшим щекам. Это все про нее? Это она – Диана-охотница?! Это у нее великолепные ноги и... и... Она даже про себя не могла произнести этого слова – «задница». Нет, ей все это снится!

– И самое главное!

– Что?

– Походка! Осанка! Улыбка! Ты должна как ходить?

– От бедра?

– Ты должна идти как королева с короной на голове! Повтори!

– Я... королева... с короной...

– И улыбайся, черт возьми! У тебя милая улыбка! Все, устал.

Марк рухнул навзничь. Лида посидела-посидела и тоже легла на спину. Все небо было сплошь усыпано звездами и кружилось. Или это у нее голова кружится? Все, что Марк говорил, не раз твердила ей и мать, но на мать Лида злилась, а на Марка – нет. Ей было жалко, что он отодвинулся и отпустил ее руку: если бы они сидели как прежде, может, Марк догадался бы ее поцеловать? И не только поцеловать? Как намекнуть ему? Просто сказать: возьми меня? Сделай мне ребенка?! Как?

А Марк думал о том же самом: после всего сказанного поцеловать Лиду было так естественно, так просто, и она явно этого ждала, а почему бы и нет?

И разве не за этим он сюда пришел?

Он же все понял, как только заглянул ей в глаза – там, за столом!

И даже раньше – увидев, как она сидит, уныло глядя в кружку, словно отделенная ото всех невидимой преградой, одинокая и несчастная, а потом вспыхнула, услышав его голос, и старалась не показать своей радости. Все он понял уже давно.

Марк вздохнул, и, услышав этот вздох, Лида быстро произнесла фальшивым тоном:

– Пожалуй, пора в лагерь...

Это прозвучало так жалко, что у Марка защемило сердце. Он решился, и не успела Лида приподняться, как он оказался совсем рядом – так близко, что его дыхание обожгло ей губы.

– Я забыл самое главное – у тебя необыкновенные глаза! А сейчас в них отражаются звезды...

И они наконец поцеловались. Губы у Лиды были обветренные, и целоваться она совсем не умела, но быстро сообразила, что к чему, и, когда смогла открыть глаза, оказалось, что звезды кружатся еще быстрее, чем раньше.

– Ты действительно этого хочешь? – прошептал Марк.

– Да, пожалуйста!

От этого «пожалуйста» он чуть не умер и снова ее поцеловал.

– Ты знаешь, я... я так хочу ребенка! Безумно! Мне очень нужно! Пожалуйста...

Так вот в чем дело! А он-то подумал... Черт побери!

Ну что ж, пусть так – хоть кто-то будет счастлив, наконец. Но ситуация казалась такой однозначной – никакой романтики! – что Марк боялся не справиться.

– Марк, только я совсем ничего не умею...

– Не бойся, все будет хорошо!

Сам он не был так уж в этом уверен. Он ловко соорудил из своих джинсов и ее брюк вполне приемлемое лежбище, застелил сверху рубашками и быстро снял с нее, что осталось. Лида лежала совершенно обнаженная, ветер охлаждал кожу, внутри у нее все дрожало, и, когда Марк лег рядом, она совсем замерла и забыла дышать. Он целовал ее, постепенно забывая про «однозначность», а Лиде все не верилось, что это на самом деле. Целоваться ей нравилось, и она настроилась быстренько перетерпеть все остальное, но «быстренько» не получилось: Марк был так нежен, так умело ласкал ее, что Лида окончательно забыла обо всех своих страхах и отвечала все нетерпеливее.

– Не думай ни о чем... Просто доверься мне...

Шепот Марка звучал где-то внутри ее самой и возбуждал даже больше, чем прикосновения. Тихо шелестел ветер в траве, звенели цикады, ниже, в реке, плескался кто-то невидимый – Лида и Марк не слышали ничего, кроме лихорадочного стука сердец и судорожного дыхания, и в самом конце, на грани, Марк прошептал, с трудом выталкивая слова из напряженного горла:

– Открой... глаза... посмотри... вверх...

Лида взглянула, и сразу же звезды хлынули на нее дождем. Она вскрикнула и задохнулась. Постепенно к ним возвращались звуки, запахи, ощущения – мир, кружившийся вокруг огромной воронкой смерча, вставал на свои места. Марк усмехнулся и покачал головой – надо же! Сказал бы кто пару часов назад, что он... с почти незнакомой женщиной... посреди чистого поля... Нет, не поверил бы!

– Ты жива? Артемида?

Он нежно погладил Лиду по голове, и она, вдруг очнувшись, заплакала и стала целовать его легкими быстрыми поцелуями куда придется.

– Ну что ты! Все хорошо?

– Ты просто не представляешь! Ты даже не понимаешь, что ты для меня сделал!

– Почему же, очень хорошо представляю.

– Ты знаешь, мне казалось, все будет так быстро – раз, два и готово! А ты...

– Да зачем было спешить – это твой праздник.

– Мой звездный час! Я так тебе благодарна, так благодарна! До неба!

– Перестань, не надо! Это я должен тебя благодарить.

– За что?!

– За то, что выбрала меня.

– Я не выбирала!

– Ну, значит, это судьба.

– А как ты думаешь, у нас получится? С ребенком?

– Не знаю. Поживем – увидим. Но, пожалуй, стоит подстраховаться, как ты думаешь?

Лида тихонько засмеялась, когда Марк положил руку ей на грудь, а он подумал: так вот она какая – настоящая! Когда забывает прятаться, защищаться, когда сбрасывает свою ледяную броню – нежная, пылкая, доверчивая, трогательная, открытая для любви...

«Кто же тебя так обидел, Артемида?

И как мне теперь жить?

Потому что настанет утро – и ты уйдешь.

Потому что все это только из-за ребенка.

И я, Марк Шохин, тут ни при чем».

Как всегда.

Утром он ее не узнал. Только когда Лида подошла совсем близко к деревянному столу, за которым сидел народ с мисками и ложками, и сказала: «А поесть-то что-нибудь осталось, а то я проспала все на свете!» – Марк понял, что это она, и не смог сдержать довольную улыбку. Лида была в шортах и черной майке без лифчика – это он сразу заметил, а волосы уложила, как Марк велел, в греческий узел. И шла походкой богини, сияя от счастья. Кто-то присвистнул, Захарова блондинка поперхнулась, а сам похмельный Захар взглянул на Лиду, отвернулся, потом взглянул еще раз и вытаращился в полном изумлении.

– Что, Захарчик? – спросила Лида, улыбаясь. – После вчерашнего голова болит?

Она села рядом с Марком, задев его бедром, и он покачал головой, усмехаясь: похоже, выпустил джинна из бутылки! Он так ею гордился, будто сам сотворил. А впрочем, так оно и было. Марк вдруг по-новому осознал миф о Пигмалионе и Галатее – только мужчина способен превратить кусок мрамора в настоящую женщину.

К ночи они, не сговариваясь, опять пришли на то же место у реки, и Лида первая его поцеловала: «Вчера был мой праздник, сегодня – твой». Марк вспомнил, как она сказала вчера: «Я так тебе благодарна – до неба!» А Лида, пристроившись ему под бок, тихонько вздыхала.

– Ты не озябла?

– Нет, ты горячий! Мне тепло. А знаешь, все девицы в экспедиции в тебя влюблены...

– Да ладно, влюблены! Это все так, детские игры на лужайке.

– Нет, правда, ты очень нравишься женщинам!

– Я знаю.

– И как тебе с этим живется?

Марк усмехнулся:

– Непросто.

– А почему? Это же хорошо?

– Да чего ж хорошего?

– Ну, ты же можешь... с любой...

– Глупенькая, да ведь любая-то не нужна! Нужна... особенная. Своя.

Лида засмеялась:

– Меня за всю жизнь никто ни разу не назвал глупенькой!

– Я не хотел тебя обидеть!

– Да нет, это прозвучало очень нежно. Ты такой милый!

В полутьме Марку было видно, как блестят ее глаза. «Что ж мне с тобой делать, Артемида? – думал он. – А с собой? Что мне делать со своей жизнью?!»

– Ты знаешь, я все время мечтала о девочке, а теперь ужасно хочу мальчика! Чтобы на тебя был похож.

– Я польщен. Ты скажешь мне, когда будешь знать?

– Конечно! Только ты не думай, это совершенно ни к чему тебя не обязывает, я сама справлюсь, тебе не придется ничего...

Марк поцеловал ее, потому что совсем не мог все это слушать.

А утром уехал.

Через полтора месяца Лида ему позвонила – получилось! Она сама узнала об этом еще в экспедиции, но хотела увериться точно, а то мало ли от чего задержка. Но Анна-Ванна раскусила ее сразу:

– Их, девка, а ведь ты беременна!

– Ничего подобного.

– А то я не вижу.

– Да еще точно неизвестно!

– Да ладно, чего там – неизвестно. Баба сразу меняется, когда залетела. От Шохина, что ли?

– Откуда вы все знаете, Анна-Ванна?!

– Знаю. Ты не бойся, я никому не скажу. Это хорошо, что от Шохина. Мальчик должен получиться.

– Правда? Почему вы так думаете?

– Вот посмотришь. А вообще, вы с ним парные, с Шохиним.

– Как это?!

– Ну, как варежки: правая и левая – разные, но одинакие. Так и вы. Два сапога пара. И внешне похожи, не замечала?

– Похожи! Да ну вас, Анна-Ванна, скажете тоже!

Но, придя в палатку, долго разглядывала себя в зеркале: «Парные?! Вот придумала Анна-Ванна! И чем мы похожи-то?! Только если ростом – оба высокие, длинноногие... Нет, ерунда». И опять – в который уже раз! – приказала себе: «Михайлова, не мечтай! Ты прекрасно знаешь: все это не для тебя. Забыла, чем заканчивались все твои мечты? Хорошо, если разбитым корытом!»

После звонка Лиды Марк приехал к ней в Москву, на «Сокол» (Люсик как раз очень удачно укатила в командировку), и они сразу же страшно поругались из-за будущего ребенка.

– Это и мой ребенок тоже! – кричал Марк. – Если ты думала, что я никак не буду участвовать в его жизни, ты ошибалась! Я не могу быть только строчкой в метрике!

– Но послушай!

– Ничего я не желаю слушать! Как ты себе это представляешь? Я что, по-твоему, стану спокойно жить, зная, что у меня где-то на стороне растет ребенок?!

– Марк! Нет, я не могу, – и она заплакала.

Марк опомнился: что же он орет как ненормальный? Она беременна, ей нельзя волноваться! А, черт! Он обнял всхлипывающую Лиду:

– Ну, прости, прости меня! Только не плачь!

– Я не могу! Это просто ужасно. Ты же совсем не планировал ничего такого.

– Не планировал, это точно.

– Вот! А я навязалась тебе со своими проблемами.

– Ой, навязалась!

– Я тебя вынудила...

– Да, конечно! Прямо изнасиловала.

Лида, наконец, засмеялась сквозь слезы:

– Ты просто невозможен!

– Послушай меня спокойно, ладно? Подумай сама: если я совершенно отстранюсь, как ты хочешь, что получится? Получится, что ты меня использовала, и все. Использовала для определенной цели, а больше я тебе не нужен. Знаешь, мне это вообще-то обидно, правда.

Лида, моргая, смотрела на него:

– Как-то ты меня запутал! Я все так хорошо продумала, а теперь...

– Продумала она! Что, тебе помощь не нужна? Ты прямо так одна со всем и справишься? Я же не лезу в твою жизнь, я не собираюсь отнимать у тебя ребенка! Но я – отец. И тебе придется со мной считаться.

– Я не хотела осложнять тебе жизнь!

– Я сам себе осложнил жизнь. Я большой мальчик и сам принимаю решения.

Лида вздохнула. Лицо у нее было несчастное, и Марк поцеловал несколько раз ее соленые от слез губы, она ответила, и некоторое время они самозабвенно целовались.

– Ну ладно, ты меня убедил. Прости! – А потом, опустив глаза и страшно покраснев, спросила: – А ты... останешься... на ночь?

И он остался. Всю ночь шел дождь, заливая косыми струями оконное стекло, метались по потолку тени от веток, то и дело завывала сигнализация на какой-то машине во дворе. Марку было непривычно и странно – в чужом доме, в чужой постели, рядом с чужой – своей, но чужой! – женщиной. Лида тоже не спала и о чем-то вздыхала время от времени. Марк чувствовал ее всю – теплую, томную после любви – и никак не мог привыкнуть: вот здесь, рядом, в глубине ее тела – ребенок! Его собственный ребенок!

– Послушай, Артемида! Может, нам все-таки пожениться, а?

Лида молчала долго, и он понял, каким будет ответ. Но она сказала совсем не то, что Марк ожидал:

– Тебе так одиноко?

– Мне?!

– Да. Тебе так одиноко, что ты готов жениться на первой встречной?

– Ты не первая встречная!

Лида тихонько засмеялась:

– Марк, я именно первая встречная, которую ты пожалел, потому что ты очень добрый, чуткий, нежный. Ты совершенно замечательный. Я тебе так благодарна...

– Ну да, до неба! Но ты меня не любишь.

– А ты меня просто жалеешь!

– Но разве нам плохо вместе?

– Если ты имеешь в виду секс – то просто волшебно!

– И у нас ребенок!

– Да.

– И ты думаешь, что всего этого недостаточно для брака?

– А ты думаешь, что штамп в паспорте сделает нас счастливее? И как ты себе это представляешь? На практике? Ты знаешь, я вообще-то совсем не готова уехать из Москвы: у меня тут работа, наука, у меня тут всё! А ты? Ты готов кардинально поменять жизнь?

Марк задумался.

– И потом, как же твоя Александра? Ты что, совсем ни на что не надеешься?

– Александра... Да нет никакой Александры. Так, фантазии Фарятьева. Миф. Просто красивая игра в Прекрасную Даму на потеху всему городу.

– Ты что, выдумал это?!

– Да нет, не выдумал. Не все выдумал. Влюблен был когда-то, да. А теперь мы просто друзья. Она меня не любит, успокойся.

– Послушай, пожениться никогда не поздно! Давай мы попробуем сначала так, как есть, ладно?

– Это ты из-за Захара не хочешь, да?

И Лида чуть было не спросила, кто такой Захар, но опомнилась – она напрочь забыла о его существовании.

– Захар – это тоже миф. – И вздохнула про себя: «Пожалуй, Анна-Ванна была права – мы с Марком два сапога пара!»

Так началась ее новая жизнь: докторскую Лида задвинула подальше, к работе относилась спустя рукава, зато обложила книжками и пособиями для будущих мам, так что Марк даже посмеивался: беременность по-научному! Марк, да. Как Лида ни старалась, ей не удалось от него отделаться. Она никак не ожидала, что после того, как отказалась выходить за Шохина замуж, он как-то проявится в ближайшее время: обещать помощь – одно, а выполнять обещание – другое! Да и замуж он позвал ее так, для проформы – знал, что не согласится. Лида была в этом уверена на сто процентов. Нет, конечно, она ему страшно благодарна, и вообще. Но... пусть бы он там и оставался, в своем Трубеже!

И не подходил к ней все ближе и ближе.

Слишком близко.

А Марк позвонил через неделю, потом еще, а перед самым Новым годом решил вдруг приехать – Лида всполошилась: она ничего не говорила матери, а та и не замечала в дочери никаких особенных изменений, как всегда, занятая собственной личной жизнью. Но Марк был настойчив. «Господи, вот угораздило же меня попасть на такого ответственного товарища!» – думала Лида, даже несколько опасаясь столь напористой заботливости Марка. Мечтая о ребенке, она как-то совсем не принимала в расчет окружающую действительность. Ей казалось, что это имеет отношение только к ней: «Мой ребенок! Ни с кем не хочу делиться!» Но уже понимала – нет, не получится. Придется делиться, придется принимать заботу – и Марка, и матери...

Так что пришлось кое-что матери рассказать. Лида прекрасно знала, во что это выльется, и не ошиблась: скандалы Люсик умела закатывать на славу, а тут и повод на редкость подходящий. Но Лида давно уже научилась пропускать мимо ушей материнские вопли – она только надеялась, что мать спустит весь пар на нее и не придется краснеть перед Марком. У Лиды на руках был хороший козырь: отец оставил им квартиру, но переписал ее на Лиду, а у матери своей жилплощади не было вовсе, поэтому она прекрасно знала, когда нужно остановиться.

Во время одного из подобных скандалов, когда Люсик кричала Лиде: «И когда ты только выйдешь замуж?! Конечно, кто на тебя позарится! Одеваешься как грузчик!» – Лида спокойно ответила: «А почему бы тебе не выйти замуж? Ты еще молодая женщина! Только ищи мужа с квартирой – сюда я его не пущу». Люсик поперхнулась и замолчала. Они обе знали, почему ушел отец – Люсик слишком весело жила во время его долгих экспедиций. Лида иногда смотрела на мать с недоумением: как получилось, что ее родила именно эта женщина? И подсознательно отгораживалась, как могла, от ненавистного ей материнского мирка, от этого проклятого «бабства» – уходила в науку, в работу. Точно как отец.

Но Марк несколько Люсика не испугался – сколько мать ни поджимала демонстративно губы, он оставался спокоен, галантен, и только в глазах порой пробегала искра смеха: он явно не принимал Люсика всерьез. Наткнувшись на страдальческий Лидин взгляд, Марк утешающе ей улыбнулся: да ладно, не переживай! Но Лида знала, что все еще впереди: стоит только Марку выйти за дверь, как ей будет обеспечена неделя – а то и две! – бесконечных материнских переливаний из пустого в порожнее.

Так и вышло. Люсика бросало из одной крайности в другую: то – «Почему он не хочет на тебе жениться?!», а то – «Он явно метит на нашу квартиру!». «Ты что, по себе судишь?» – жестко сказала Лида, и мать замолчала: московская прописка была чуть ли не главной причиной ее замужества. Люсик обсудила новость со всеми подругами – еще бы, прямо бразильский сериал! – и слегка успокоилась, выбрав для себя роль страдальцы: дочь «принесла в подоле»,

какой кошмар! Успокоилась она главным образом потому, что Марк не собирался селиться у них в квартире, а Лида не собиралась сильно обременять ее внуком: нет-нет, ребенок – это прекрасно, но стать бабушкой в свои... эээ... сорок пять... Люсик не готова! На самом деле ей было уже почти сорок девять.

Под конец срока Лида совсем изнемогла. Она ничего не могла делать, маялась, и мать как-то особенно ее раздражала – Люсик вдруг впала в слезливую сентиментальность и без конца квохтала над «своей бедной девочкой», от чего «бедная девочка» просто лезла на стену. Лида с огромным трудом уговорила мать уехать на майские праздники в гости к друзьям и наслаждалась одиночеством – рожать предстояло только числа пятнадцатого-шестнадцатого.

Наслаждалась Лида, правда, только первые два дня, а потом ее вдруг стали одолевать страхи. Лида почти не спала по ночам, прислушиваясь к многочисленным звукам в доме и за окном. Ей очень хотелось погулять – погода стояла прекрасная, все зеленело и цвело, но она боялась! Боялась, что застрянет в лифте, что подвернет ногу, что ее кто-нибудь толкнет и ей станет плохо. Она боялась даже выйти на балкон – а вдруг голова закружится?! Лида затосковала.

И вдруг совершенно неожиданно, без звонка, приехал Марк – Лида как раз прилегла и даже задремала, поэтому встретила его не слишком приветливо, думая: и чего притащился? И так тошно! Но делать нечего, стала угощать чаем. Марк ее тоже раздражал, хотя Лида и видела, что он искренне переживает и волнуется.

– Как ты себя чувствуешь?

– Да все нормально.

– Ты знаешь... Я подумал... Может, мне отпуск взять?

– Зачем?!

– Ну... я бы помогал тебе.

– Да не надо мне помогать! Как ты меня достал! Я прекрасно жила тридцать лет без тебя и еще... столько же... проживу...

Лида замолчала. Марк сидел, опустив голову, на щеках горели красные пятна, а костяшки сжатых в кулаки пальцев побелели от напряжения. Он встал, кашлянул и, не глядя на Лиду, произнес:

– Ну ладно. Спасибо за чай.

Лида посмотрела: Марк ни к чему не притронулся.

– Я, пожалуй, пойду. Мне еще надо заехать тут в одно место. Я просто хотел узнать, как ты. Так что... я пошел.

– Куда? – Лида встала у него на пути.

– Мне надо... к знакомым.

– Да нет у тебя никаких знакомых!

– Нет, есть! – упрямо, совершенно по-детски, ответил Марк, и они оба вдруг невольно прыснули со смеху.

Лида обняла его:

– Прости меня! Прости! Я такая стерва.

– Замучилась?

– Ужасно! Скорей бы...

– Бедная моя!

Марк поцеловал ее, погладил по голове, потом по спине. Лида вздохнула:

– Понимаешь, я просто никак не привыкну к тому, что ты есть.

– Привыкай. Потому что это – на всю жизнь.

Марк серьезно смотрел ей в глаза, и Лида несмело улыбнулась: может, ничего страшного, если Марк ей немножко поможет?

– Какой ужас! На всю жизнь! – И сама его поцеловала. – Пожалуйста, погуляй со мной. Мне так хочется на улицу.

И они погуляли в дальнем сквере, и Марк купил ей у бабки какие-то необыкновенные тюльпаны в оборочках, и Лида ничего не боялась – ни подвернуть ногу, ни застрять в лифте. Марк остался на ночь и лег было в кухне на диване, но Лида позвала его к себе:

– Полежи со мной!

Марк обнял ее и осторожно погладил живот:

– Ты его чувствуешь?

– Еще как! Признавайся – ты уже взял отпуск?

– Ну да. На всякий случай.

– Как хорошо, что ты приехал. Ты такой милый. – Голос у Лиды был совсем сонный. –

Но я ужасно боюсь...

– Конечно! Как не бояться? Имеешь полное право побояться.

– Не родов – я тебя боюсь.

– Меня?!

– Марк, я всю жизнь была одна. Я все решала сама, я не умею... не умею принимать помощь.

– Это гордыня.

– Ты думаешь?..

– Ты же сама помогаешь кому-то?

– Да...

– И тебе это нравится? Так позволь и другим помогать тебе.

Лида вздохнула:

– Плохо получается, ты же видишь.

– Послушай, я же не претендую ни на что. Просто так получилось, что я... я тоже часть твоей жизни.

– Я, наверно, привыкну... со временем, – вздохнула она, засыпая.

В пять утра Лида разбудила Марка – уже одетая и собранная:

– Марк, началось!

Спросонок он никак не мог понять, что началось, а потом вскочил как ошпаренный:

– Ты же говорила – через неделю!

– Немножко раньше, ничего страшного. Не дергайся, у нас полно времени!

Но он дергался, и волновался, и суетился, а Лида казалась на удивление спокойной, только морщилась, стискивая зубы, при схватках. Марк просидел в больнице всю ночь и даже прорвался посмотреть на малыша – Лида лежала в отдельной палате. Через пять дней он забрал ее из роддома, а потом две недели спал у них на кухне и помогал – на самом деле помогал!

Люсик при Марке не выступала, хотя нашла минутку, чтобы высказать Лиде свою смертельную обиду: «Коне-ечно, ты это специально подстроила! Не могла мне прямо сказать, что ждешь Марка!» Шохин очень хорошо умел с ней обращаться – почтительно, но слегка посмеиваясь про себя, чего Люсик, к счастью, не замечала. А однажды, не веря своим глазам, Лида заметила, что мать кокетничает с Марком. Наткнувшись на изумленный взгляд дочери, Люсик покраснела и смешалась, а Лида почувствовала что-то такое странное – неужели... ревность?! Марк, который прекрасно все видел, поцеловал Лиду и прошептал: «Не обращай внимания! Пусть ее!»

Лида была страшно благодарна Шохину за помощь, но никак, никак не могла дождаться, когда он уедет: ей страстно хотелось остаться с малышом наедине, выплеснуть на него свою безумную любовь, отдать свое счастье полностью! Рассмотреть как следует, какие у Ильки глазки, ушки, носик и ротик, какие пальчики с крошечными ноготочками, какие волосики... Они ей мешали, оба – и мать, и Марк.

Но когда Марк на самом деле собрался уезжать, Лида слегка опомнилась и уже в дверях, прощаясь, стала так целовать его, так заглядывать в глаза, что Шохин растрогался.

– Марк! Я... Ты... Я так тебе благодарна! До неба, до звезд! Нет, не благодарна! Это больше, чем благодарность! Я не знаю, как сказать, такого слова нет, чтобы передать, что я чувствую, я... Господи, Марк! Ты подарил мне такое счастье, ты... Ты звони, ладно? И приезжай! Как только сможешь, хорошо? Спасибо тебе, спасибо!

А Марк обнимал Лиду, слушал ее сбивчивое бормотанье и думал: достаточно было бы всего одного слова, которое даже не пришло ей в голову. Всего одного! Эх, Артемида...

На первый Илюшкин день рождения – на годик – Шохин привез корзину цветов: тюльпаны и нарциссы заполнили всю квартиру. Марк долго уговаривал Лиду поехать с малышом в Трубеж: «Ну что ты будешь мучиться в городе – у нас воздух, природа, чистота! А тут у вас стройка под окном!» Неожиданно его поддержала Люсик, и Марк обрадовался:

– Вот! Людмила Владимировна, мы и вас приглашаем!

Лида подозревала, что Людмилу Владимировну одолевает любопытство, и с тоской представляла, как мать будет потом развлекать своих подруг рассказами. Лида нехотя согласилась, не ожидая для себя ничего хорошего от этой поездки. Но получилось совсем не так плохо: Люсик держалась тихо и скромно, не выступала, а когда изрекала какую-нибудь очередную глупость, деликатные Шохины пропускали мимо ушей, хотя Лида все равно переживала.

Мать Марка потрясла Лиду своей красотой, над которой не властвовало безжалостное время. «Мадам Шохиной», как тут же окрестила ее Лида, было под семьдесят – высокая, худощавая, с короткой элегантной стрижкой и балетной осанкой: как потом выяснилось, она действительно когда-то в юности занималась балетом, но потом повредила связки, так что с мечтой танцевать Одетту в «Лебедином озере» пришлось распрощаться.

Лиду удивил шохинский дом – не каким-то особенным богатством или антиквариатом, которого и в помине не было, а удивительным уютом и поразительной красотой, живущей в каждом его уголке. Ничего не делалось специально, но само присутствие Ольги Аркадьевны словно преображало мир и мгновенно превращало неубранную грязную посуду, забытую на кухонном столе, в изысканный натюрморт. Участок был большой, запущенный, но тоже красивый – с несколькими соснами и березами, под которыми, как уверял Марк, по осени можно было собирать подберезовики и даже белые. Лида покосилась на него с сомнением, но он сказал, улыбаясь:

– Честное пионерское!

Одна из сосен была до макушки увита диким виноградом, как и сам дом.

– Сейчас незаметно, а осенью очень красиво, все листья красные. У мамы этюд есть, я покажу.

В саду чего только не росло, но как-то странно, все вперемешку, и Людмила Владимировна только удивленно таращила глаза. Хотя своей дачи у Михайловых не было, Люсик часто гостила у друзей и насмотрелась на дачные причуды, но чтобы помидор рос на клумбе среди цветов, кабачки вились по забору, а клубника гнездилась в старых бочках, свешиваясь вниз, – такого она не видела нигде!

– Это мама, – сказал Марк. – У нее «зеленая рука»: все, что посадит, вырастает. У нас даже абрикос есть и манчжурский орех – не вызревали, правда, ни разу.

А садовая беседка поразила обеих – это было небольшое открытое восьмиугольное строение под высокой крышей, похожее на китайскую пагоду, и фонарики с разноцветными стеклами, висевшие на каждом из восьми углов, только добавляли китайского колорита. Марк еле успел закончить все к их приезду: поменял полы, затянул проемы сеткой, покрасил. Зайдя внутрь, Лида так и ахнула: все пространство пола покрывал стеганный лоскутный ковер, мягкий и разноцветный!

– Тут же можно прямо на полу валяться! Это как большой манеж!

– Так и задумано. Еще подушки будут, я заказал.

– А если дождик? В окна не будет заливать? – тут же спросила практичная Людмила Владимировна.

– Есть ставни, можно закрыть. Я еще свет сюда проведу, совсем хорошо будет. Но вообще в дождь лучше на верандах, у нас их две...

Надо же, беседку отделал, думала Лида. Кроватьку приготовил! А кровать затейливая – с деревянной резьбой, в ней сам Марк когда-то спал...

– Заботливый у нас папа, да? – спросила она у Ильки, которого держала на руках. Тот тарашил глаза и норовил засунуть в рот все, что было в пределах досягаемости его пухлых ручек. – Заботливый, внимательный!

Илька заулыбался и шлепнул ее по щеке – и вовремя: ну-ка, Михайлова, опомнись. И Лида, вздохнув, пошла по дорожке вслед за матерью и Марком.

Праздники промелькнули очень быстро, и Лида решила остаться еще на некоторое время. Ей совсем не улыбалось возвращаться с матерью в Москву – напоследок они поругались. Все это время Люсик была необычайно тиха и серьезна, а вечером накануне отъезда пришла к Лиде в комнату – пришла и мялась, не зная, как начать разговор, что на нее было совсем не похоже. Потом со вздохом сказала:

– Лидочка, я знаю, ты всегда поступаешь по-своему. Я для тебя давно уже... не авторитет...

«Лидочка» нахмурилась: что она еще придумала?!

– Но, пожалуйста, послушай меня хоть раз в жизни!

– Я слушаю.

– Лидочка, он очень хороший человек! Очень! Почему бы вам не пожениться, а? Он же не против!

– Если ты надеешься, что я уеду в Трубеж и оставлю тебе квартиру, то не обольщайся!

– Ну при чем тут квартира!

– А то ни при чем?

– Вы могли бы жить у нас!

– Да что ты? И где именно? На кухне? Мам, не лезь в мои дела, я сто раз тебя просила! Я сама как-нибудь разберусь. Меня... Нас с Марком все устраивает. Тебя, как мне кажется, тоже.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива!

– Только у меня свои представления о счастье, извини. Твой вариант меня не устраивает.

– Лидочка, мне кажется... Мне кажется, папа тоже одобрил бы Марка!

– Вот только не надо! Не надо мне рассказывать про папу!

– Да, да! Я знаю, я виновата! Вечно виновата. – Люсик заплакала. – Мне было всего восемнадцать, девчонка! Что я понимала! Мне просто хотелось... радоваться жизни! А он... Я его и не видела! Экспедиции, университет! А я одна... с ребенком. Теперь ты! Такая же... как отец...

– И горжусь этим!

– Вот и живи со своей гордостью! Черепки твои тебе дороже людей!

Подхватив Ильку, Лида вышла из комнаты и хлопнула дверь.

Мать уехала, и Лида сразу же вздохнула посвободней. Ольга Аркадьевна была очень мила с ней, но без фамильярности. И ни разу не назвала Лидочкой, только – Лидия: в ее устах это звучало так изысканно, что Лида, которая с детства ненавидела свое имя, пожалуй, готова была с ним примириться. На самом деле Марк довольно долго готовил мать и к известию о рождении сына, и к приезду Лиды. Ольга Аркадьевна, как и Людмила Владимировна, никак не могла постичь, что мешает «молодым» пожениться и что такого необыкновенно важного в Лидиной науке, что ею нельзя заниматься в Трубеже!

– Ну и что? Переехала бы к нам, что такого! Наука... И что это за наука – археология? Возиться с грязными черепками! Это так... неженственно. Я же уехала из Москвы – и ничего. Все бросила! А как счастливы были с Колей!.. – И ее глаза наполнились слезами.

Конечно, Ольга Аркадьевна потихоньку присматривалась к Лиде, и та все время чувствовала на себе взгляд удивительных глаз «мадам Шохиной». Огромные, светлые, с длинными ресницами – сияющие «весенние» глаза, как говаривал, любуясь, отец Марка. Только познакомившись с Ольгой Аркадьевной, Лида смогла, наконец, осознать, что такое настоящая женственность: «мадам Шохина» обходилась без кудряшек и оборочек, но в любом ее строгом наряде, в любом скупом жесте было в миллион раз больше изящной и притягательной женственности, чем во всех модных ухищрениях и кокетливых ужимках Люсика.

Не сознавая этого, Лида незаметно поддавалась влиянию Ольги Аркадьевны: переставала сутулиться, старалась не махать руками и не класть локти на стол, а садясь, думала о том, как поизящней пристроить длинные ноги. «Мадам Шохина» не делала ей замечаний, не лезла с советами – одним своим присутствием Ольга Аркадьевна заставляла Лиду как-то подтягиваться. Теперь Лида понимала, от кого Марк унаследовал свое неотразимое обаяние! Она не могла не замечать, с каким восторженным обожанием смотрят на Ольгу Шохину ученики, коллеги, друзья, поклонники, – и сама невольно поддавалась ее чарам, недоумевая: как? Как она это делает?!

– Ах, девочка, наша сила – в нашей слабости. Мужчина должен чувствовать себя немножко рыцарем, это поднимает его самооценку.

Но Лида не понимала, что хорошего в слабости, и с трудом переносила рыцарственное отношение Марка – она привыкла быть на равных с мужчинами, во всем полагаться на себя. Лида умела организовать работу большой экспедиции, и ее страшно забавляло, что по приезде в Трубеж она тотчас превратилась в изнеженное создание, хотя в экспедициях Лида таскала такие рюкзаки – мама дорогая! Ей не позволялось заниматься никакой тяжелой работой – не женское это дело! – а она с удовольствием покопала бы грядки, уж лопату держать в руках приходилось не раз.

Оказалось, что у Шохиных совсем не такая тихая и спокойная жизнь, как представлялось Лиде. Первое время Лида думала, что «мадам Шохина» собирается куда-то идти, раз так наряжается с утра пораньше: всегда тщательно причесана, в элегантной блузке с юбкой или в платье, всегда при серьгах и каких-нибудь бусах, губы тронуты помадой...

Но вовсе нет! Ольга Аркадьевна редко выбиралась «в свет». К ней с пониманием относились и в училище, и в художественной школе: ученики приходили на дом, и она занималась с детьми то на веранде, а то и прямо в саду. Каждый день заглядывал кто-нибудь из знакомых, а по субботам собирался небольшой кружок друзей и устраивалось что-то вроде музыкально-литературного вечера – Ольга Аркадьевна и сама немного играла на фортепьяно.

– Это что! – сказал Марк. – Раньше у нас каждый месяц бывали большие «Шохинские субботы», столько народу приходило! Поэты приезжали, музыканты.

– Да у вас просто какой-то культурный центр!

– Так и было. Сейчас мама сильно сдала, уже не до того.

Лида никогда раньше не жила такой жизнью! Она привыкла к одиночеству с детства, особенно после ухода отца, когда отгородилась от матери стеной «до неба» и наотрез отказалась ездить с ней к морю во время летнего отпуска. Люсик обожала санатории, особенно военные, куда каким-то образом доставала путевки. После череды скандалов Люсик позвонила бывшему мужу, и Алексей Георгиевич взял дочь в экспедицию, что неожиданно устроило всех: и дочь, и отца, и Люсика, у которой освобождалось все лето.

Все свое время Лида проводила с книжками – друзей у нее было мало. Школа, потом институт, библиотеки, музеи – вот была ее среда. В компании она не вписывалась, потому что сильно стеснялась, зажималась и могла говорить только об археологии, которую знала лучше

всего, а все эти бабские штучки – шмотки, романчики, сплетни – не интересовали ее вовсе. А когда однажды пришла в гости с книгой вместо бутылки водки, которую должна был принести, ее и вовсе перестали звать – книгу она купила на последние деньги, и на водку уже не хватило. Но книга была ей важнее.

Экспедиционный опыт шел ей на пользу – индивидуалисту было там не выжить. Она научилась не обижаться на шутки и розыгрыши, быть своей и в то же время держать дистанцию. Ее уважали: Михайлова – хороший товарищ, замечательный организатор, умница и настоящий ученый. И если бы Лида смогла увидеть ситуацию со стороны, то поняла бы, что в экспедиции – да и в музее, где она работала, – ее не просто уважают, а любят и ценят за доброту, справедливость, умение разрешить любой конфликт и спасти любую ситуацию.

Лида всегда четко планировала свою жизнь и сейчас чувствовала себя странно: ее жизнь больше от нее не зависела! Теперь сын держал в своих крошечных ручках штурвал их общего корабля. И, прокладывая курс, приходилось учитывать существование Марка Шохина. Собираясь в Трубуж, Лида предполагала, что поживет там, как посторонняя дачница, но у Шохиных было свое мнение на этот счет: ее приняли в семью. Первое время она страшно стеснялась и все время спрашивала: «А можно, я возьму вот этот тазик? Ничего, если я вот тут повешу белье? Можно, мы с Илькой посидим на веранде?» Пока Ольга Аркадьевна не сказала:

– Девочка, не надо спрашивать! Вам все можно. Это ваш дом. Вы тут такая же хозяйка, как я.

Но Лида совсем не чувствовала себя хозяйкой в шохинском доме. Она вообще не понимала, на каких она тут правах, и все время боялась вопросов – и от самой Ольги Аркадьевны, и от знакомых. Но никто ничего не спрашивал, все принимали как должное ее присутствие в доме Шохиных, а Марк однажды сказал, увидев, как Лида напрягается при знакомстве с новыми гостями:

– Артемида, перестань дергаться. Ну что ты, в самом деле!

Она посмотрела на него несчастными глазами:

– А что ты говоришь про меня, когда спрашивают? Что ты сказал маме?

– Что ты моя жена. – У Шохина было странное выражение лица, он не то веселился, не то злился, а Лида совсем испугалась: жена! – Да не волнуйся ты так! Вот тоже! У нас с тобой гражданский брак, и все. Неофициальный. Успокойся, я не собираюсь насильно тащить тебя в загс.

Ее нынешняя жизнь казалась Лиде сплошным отпуском: дача, сад, шохинские вечера, шашлыки в саду, поездки на дальние пруды, разговоры на веранде. Марк познакомил ее с друзьями. Лида, краснея, вспоминала, как Синельников у нее за спиной выразительно показал Марку большой палец – супер! Классная баба! А увидев, что заметила, поцеловал ей руку, за что получил шуточный подзатыльник от своей смеющейся Наташки. Синельникову Лида действительно очень понравилась – великую шохинскую любовь Александру он терпеть не мог и не понимал, почему Марк так с ней носит.

– Вот что ты в нее уперся, а? Ничего в ней нет такого необыкновенного, в твоей Никаноровой!

– Ты не понимаешь.

– Да уж, конечно, где нам понять! Мы академиев ваших не кончали! В искусстве вашем и вовсе не разбираемся! Зато понимаем, что Никанорова –дохлый номер и тебе там ничего никогда не обломится. А тратить свою жизнь на выдуманную «любовь», когда рядом такая баба, как Лидка, глупо! Ты посмотри на нее! Умная, эффектная, добрая, надежная...

– Я ей не нужен.

– Не нужен! Так стань нужным. Подумаешь, один раз ему отказали! Мне вон Наташка пять раз отказывала, и что?

– И что?

– И ничего! Все равно поженились! Смотри, отобьет кто твою Артемиду – будешь тогда локти кусать...

Все это казалось Лиде кинофильмом, сериалом: «Дворянское гнездо», «Неоконченная пьеса для механического пианино», в общем, «сумерки, природа, флейты голос нервный, позднее катанье», вспоминала она Окуджаву. «Нервный голос флейты» – это была она сама. А Марк... «На передней лошади в голубом кафтане», как же еще – принц на черном коне!

Принц Лиду тоже удивлял: если раньше ей казалось, что Марк совершает подвиг, взяв отпуск и помогая ей на первых порах с ребенком, то теперь Лида понимала: никакой это не подвиг, для него это естественно. И думала: Ольга Аркадьевна воспитала хорошего сына, настоящего мужчину! Как ей это удалось?!

Марк спокойно делал все домашние дела – Лида помнила, что отца невозможно было заставить купить продукты или вынести мусор, он просто забывал. А Марк помнил обо всем, все замечал – забирал у нее тяжелую сумку, придерживал дверь, в метро или троллейбусе никогда не садился. Он всегда видел, кому надо помочь: один раз вдруг ринулся через улицу, чтобы поддержать какого-то инвалида, спускавшегося по лестнице, а в другой – влез в мальчишескую драку, разнял пацанов и долго о чем-то говорил с «потерпевшим». Шохин ловко справлялся с Илькой и однажды ночью, когда разразилась такая страшная гроза, что Лида и сама испугалась, забрал у нее рыдающего малыша, и тот почти мгновенно успокоился у него на руках. Лида тоже чувствовала себя защищенной рядом с Марком. Это чувство было для нее внове и пугало. «Я не хочу зависеть от Марка!»

Постепенно она перестала так трепетать перед Ольгой Аркадьевной, хотя все равно слегка ее побаивалась. Побоялась, но незаметно для себя самой раскрывалась перед «мадам Шохиной» все больше и больше. Они часто беседовали, и Ольга Аркадьевна потихоньку выпытала из Лиды все: и про развод родителей, и про несбывшиеся надежды Лиды на жизнь с отцом, и про «холодную войну» с матерью. А Лида так увлеклась, что в один из вечеров даже пересказала Шохиным всю свою диссертацию.

Однажды ясным июльским утром они завтракали на веранде – солнце, пробивающееся сквозь разноцветные стекла, пускало яркие зайчики по полу и столу. Лида кормила Илюшку, а он вырывал у нее ложку, пытаясь действовать сам. Вытерев измазанную кашей мордашку сына, Лида спустила его на пол, и он тотчас направился к отцу, шустро передвигаясь на четвереньках – Илька уже пробовал ходить, но на своих четырех пока получалось лучше.

Ольга Аркадьевна с улыбкой проводила его взглядом, а потом обернулась к Лиде:

– Лидия, знаете, что-то мне захотелось вас написать. Давно я не брала в руки кисть!

– Меня?! – Лида даже поперхнулась. – Да что во мне такого... живописного?!

– Не скажите! Вы очень даже живописная. Но только не в этом наряде, конечно, хотя он и очень милый.

Лида быстро себя оглядела: шорты, завязанная на животе рубашка без рукавов... Волосы кое-как схвачены заколкой... Да-а, красавица, ничего не скажешь. Она покосилась на Ольгу Аркадьевну – та была идеально причесана, белую кофточку у ворота украшала брошка, а длинная легкая юбка казалась свежеевыглаженной, хотя Ольга щеголяла в ней уже который день. Неужели она гладит эту юбку каждое утро?!

– Надо подобрать вам что-нибудь! Сейчас посмотрю. – И Ольга вышла.

Лида жалобно посмотрела на Марка, но тот был серьезен:

– Пожалуйста, попозируй маме. После смерти отца она впервые захотела работать. Тебе же не трудно?

– Не трудно, – пробормотала Лида. – Но как-то странно. Неловко. Кошмар какой-то...

– Лидия! – Ольга Аркадьевна позвала ее из глубины дома. – Идите, взгляните, что я нашла для вас!

– Иди-иди! – сказал Марк. – Я присмотрю за Илькой.

Ольга Аркадьевна держала в руках что-то нежное, кружевное, а когда расправила, показывая Лиде, оказалось – это ажурное одеяние кремового цвета.

– Что это? Какое красивое!

– Это длинный жакет – наверное, можно так назвать.

– Старинный?

– Да, начало века. Уже прошлого. Прикинем, – и Ольга приложила одеяние к Лиде. – Замечательно! Примерьте. Ну, девочка, не на это же! Сейчас... где же она... Вот!

И Ольга Аркадьевна подала ей длинную, шелковую, бледно-лилового цвета сорочку на тоненьких бретельках, украшенную по вырезу вышивкой – мелкие фиалки с зелеными листиками.

– Я думаю, вам будет впору. Но лучше прямо на голое тело – там хорошая выкройка, позволяет. Я отвернусь.

Лида, стесняясь, сняла рубашку и шорты – хорошо хоть лифчик приличный! И трусики. Потом проворно разделась догола и натянула сорочку – шелк ласково скользнул по телу.

– Вы очень хорошо сложены.

Оказалось, что Ольга видит Лидино отражение в зеркале шкафа.

– Простите, не удержалась – подглядела. Надо бы написать вас обнаженной, но вы вряд ли согласитесь? А жаль. Такая кожа...

Лида мгновенно залилась краской – от макушки до пяток, как ей показалось.

– Ну ладно, ладно! Я не настаиваю. Хотя не понимаю, что здесь такого? Я же художник. Конечно, до Зинаиды Серебряковой мне далеко – она прекрасно писала обнаженное женское тело. Да, пожалуй, никто лучше ее и не писал. Но я тоже неплохой художник, правда. Так, посмотрим...

Лида, вся розовая от смущения, изумленно рассматривала себя в зеркале: «Это я? Не может быть!» Она никогда не носила ничего лилового и кремового, а оказалось, что ей необыкновенно идут эти цвета. Кожа светилась, волосы сияли золотыми искрами, а глаза на взволнованном лице словно стали больше. Кружевное одеяние было довольно длинным и так хорошо сидело, что Лида казалась себе очень стройной и... соблазнительной?! От кружева чуть заметно пахло лавандой.

– Ну вот! Замечательно! Еще надо что-то сделать с волосами.

Лида, сама себя не узнавая, покорно позволила уложить ей волосы. Ольга Аркадьевна расчесала их на прямой пробор и слегка подняла вверх, закрепив собственными гребнями – после смерти мужа она коротко постриглась.

– Всегда мечтала о девочке. Но не получилось, – вздохнула Ольга Аркадьевна. А Лида подумала: «Она играет в меня, как в куклу!»

На веранде Лида села в кресло около круглого стола – напротив уже стояли мольберт и стул для Ольги Аркадьевны, принесенные Марком.

– Ну что? Начнем, благословясь! А ты сам не хочешь – за компанию?

– Нет. Мы с Илькой пока погуляем. Тебе еще что-нибудь нужно?

– Да, пожалуйста, принеси-ка вазу – ту, зеленую, помнишь? Потом я букет соберу, а пока так. Подожди... Посмотри, Марк! Мне что-то не нравится, как она сидит...

Лида непроизвольно выпрямилась.

– Вот! Так уже лучше! Что делать с руками, мы сейчас подумаем, а ноги... Мне кажется, надо Лидии что-то под ноги – чуть приподнять.

– Я знаю что!

Лида покосилась на свои ноги, потом на руку, лежавшую на столе. Рукав ажурного одеяния, довольно узкий, расширялся от локтя широкой оборкой, и рука в пене старинного кружева выглядела необыкновенно изысканно – тонкое запястье, длинные пальцы... У Лиды пробежали мурашки по коже: это какое-то колдовство, не иначе, подумала она.

Марк принес маленький пуфик, обтянутый вытертым гобеленом, и опустился на пол – подвинул пуфик Лиде под ноги, посмотрел и вдруг быстрым движением снял с нее шлепанцы, в которых она так и уселась позировать – это лишнее. Рука Марка нежно скользнула по ее ступне, он взглянул на Лиду, тут же отвел глаза, встал и быстро отошел, забрав у матери Ильку. От прикосновения его пальцев Лида чуть не подпрыгнула – то, что Марк хочет ее, было написано на его лице, и теперь ни о чем другом Лида уже и думать не могла!

Она просидела в кресле на веранде часа полтора, пока не ушел свет, и все это время томная чувственность словно настаивалась в ней – как настаивается чай в заварном чайнике, делаясь крепче. Снимая сорочку, Лида чуть не застонала – так подействовало на нее прикосновение гладкого шелка, скользнувшего по коже, словно ласкающая ладонь Марка, – она помнила, помнила это ощущение!

И хотя рассудок твердил ей: нельзя, не надо, ни к чему, держись от него подальше, – тело говорило свое, да что там, требовало! К ночи Лида совсем изнемогла, вертась на горячих простынях, как уж на сковородке. Она встала и подошла к кровати Илюшки – он спал, слегка приоткрыв ротик. Как всегда, Лиду охватило чувство невероятного счастья: «Господи, это же мой сын! Мой собственный!» И Марка – услужливо подсказал ей внутренний голос. Ну да, и Марка. Если бы не Марк, никакого Илюшки вообще бы не было! Разве Марк не заслужил... немножко благодарности? И что тут такого? Это будет просто... секс! Секс без обязательств. Это ничего не значит, совсем ничего! И, успешно подавив пытавшийся протестовать рассудок, Лида опять надела шелковую – заколдованную! – сорочку и вышла из комнаты.

А Марк действительно с трудом мог оставаться равнодушным, глядя на Лиду, щеголявшую в коротких шортах и обтягивающих майках. Материнство ее преобразило, и хотя Ольге Аркадьевне при первом знакомстве Лида показалась «удручающе неженственной», Марк-то видел, как она изменилась и похорошела. Она пополнила, что ей очень шло, а некогда маленькая грудь с трудом помещалась в старые лифчики – Лида совсем недавно перестала кормить.

А Лида ничего не замечала. Она так была увлечена сыном, так неуверенно чувствовала себя в чужом доме, что все остальное для нее просто не существовало. Она была искренне уверена, что у Марка есть своя, неизвестная ей личная жизнь – Лида еще так мало его знала!

Дверь в комнату Марка была приоткрыта, но внутри – никого. Лида прошла на кухню, потом подошла к двери Ольги Аркадьевны, из-под которой пробивался свет – вдруг Марк зашел к матери поговорить? Но там было тихо, и, заглянув в щелочку, Лида увидела, что Ольга спит, уронив книгу. Лида вышла на крыльцо, постояла, обхватив себя за плечи, – ночь была свежей, на небе в разрывах облаков мерцали звезды. И Лида покосилась на них с неодобрением – это все вы виноваты! Откуда-то потянуло дымком. Она присмотрелась: в глубине сада слабо мерцал огонек. Медленно ступая по невидимой в темноте дорожке, Лида приблизилась. Марк сидел на скамейке, помешивая старой кочергой остывающие угли.

– Артемида? Это ты? Словно призрак!

Лида села рядом. Они почти соприкасались плечами, и у обоих сразу же закололо кожу – Лида почувствовала, как напряглись мышцы Марка.

– Ты не озябнешь? – Голос у него дрогнул, но сам он не шевельнулся.

Лида поняла, что Марк так и будет сидеть, помешивая угли, – первый шаг придется делать ей.

– Марк...

– Да?

– Марк, ты знаешь... Я тут подумала... Если у тебя сейчас никого нет... Ну, тебе же нужна женщина? Так я не против, правда! Это ведь ничего не значит, да? Это же... просто... ой!

Марк закрыл ей рот ладонью:

– Замолчи. Немедленно! – Он тяжело дышал, Лида слышала, как колотится его сердце, и слегка трусила. – Значит, говоришь, ты не против? Ну, хорошо!

Кочерга упала в костер, взметнув небольшой сноп искр. Марк поцеловал Лиду с какой-то даже яростью и сильно стиснул, прижимая, так, что она только пискнула. Но вся ярость Марка мгновенно улетучилась – Лида сразу обмякла и прильнула к нему, запрокинув голову. Когда она, придя в себя, открыла глаза, все вокруг было залито слабым волшебным сиянием, серебряным мягким светом. Лида заморгала, изумленная:

– Что это?!

– Это луна. Пока мы с тобой целовались, вышла луна. Вон, видишь!

– Как ты это делаешь?!

– Что, родная?

– Да вот это все: тогда – звезды, сейчас – луна?!

– Уметь надо! – Марк улыбался, довольный. – Ну что, пойдём?

– Ку... куда?!

– Куда-нибудь – ко мне, к тебе! Не здесь же...

– Я хочу! Я хочу прямо здесь!

– Вот это да! Сейчас, подожди. – Он исчез. А Лида так и сидела, таращась на луну, пока Марк не примчался обратно. – Идем!

Он привел ее под яблоню, где расстелил одеяло. Шагнув к Лиде, Марк сдвинул с ее плеч бретельки, и сорочка мягко скользнула вниз – обнаженная Артемида с распущенными волосами стояла перед ним, и лунный свет сиял на ее коже...

Лида так и не закрыла глаза – все время смотрела на луну, а луна, чуть усмехаясь, смотрела сверху вниз на мужчину и женщину, что так пылко любили друг друга под старой яблоней. Любили – но ничего друг про друга не понимали. В отличие от луны, которая понимала про них все, но не могла рассказать.

Утро следующего дня выдалось пасмурным и суматошным. Марк собирался на работу, а Ольга Аркадьевна решила тоже за компанию «выползти в свет». Стоя с Илькой на руках, Лида смотрела, как Марк ведет мать, поддерживая под локоток, – ради такого случая Ольга Аркадьевна надела изящную соломенную шляпку с цветком. Обернувшись, они помахали Лиде, и та махнула в ответ:

– Пока-пока! Да, Илька? Скажи: пока, папа!

И Илька вдруг звонко произнес, глядя на садовую дорожку, на которой уже никого не было:

– Папа!

Лида ахнула: заговорил! Вот Марк удивится!

День тянулся и тянулся – пасмурный, то и дело хныкающий дождем. В саду было мокро, и Лида пасла Илюшку на веранде. На душе у нее тоже становилось все пасмурней: зачем она вчера поддалась этому дурацкому чувственному порыву, зачем?! Теперь все так осложнилось! Лида никогда не воспринимала себя как... как объект желания Марка. Она думала, что Марк просто пожалел ее тогда, и была благодарна. Но раз он ее хочет... как женщину... Ей даже думать об этом было странно, хотя почему-то совсем не казалось странным, что она хочет Марка... как мужчину.

А вдруг он решил ее не отпускать?! Вдруг это все специально, чтобы она осталась?! И позирование, и волшебная сорочка, и кружева? И луна?! Лида впала в панику. С самого первого дня у Шохиных она была настороже. Зачем они с ней так нянчатся? Ну, хорошо – сын, внук, это Лида способна была понять, но сначала страшно ревновала, видя, как охотно Илюшка идет на руки к Марку и Ольге Аркадьевне. «Это мой сын!» – все время хотелось ей сказать. «И мой тоже», – без слов, одним своим присутствием говорил Марк. Лида искренне не понимала, зачем Марку так осложнять себе жизнь, но раз ему это зачем-то надо, смирилась.

Ей чудилось, что Шохины – их удивительный дом, и старый сад, и Трубеж! – заманивают ее с Илькой, заколдовывают, затягивают...

Остаться здесь навсегда? Что она будет делать в этом Трубеже? Работать учителем в школе, экскурсоводом в музее? Кому тут нужна ее докторская диссертация – а она так мечтала закончить ее за время трехлетнего отпуска! Значит, что же – все напрасно? Она с двенадцати лет занималась археологией. Ходила в кружок при музее, ездила в экспедиции – сначала с отцом, потом самостоятельно. Училась на истфаке, вела научную тему, защитила кандидатскую, написала книгу...

И что – все это бросить?! Зачеркнуть?

Ее уже сейчас мучительно тянуло домой – к книжкам, компьютеру, музею, к друзьям-археологам. У Шохиных она вела какое-то, как ей казалось, растительное существование, стараясь быть ниже травы, тише воды, потому что ощущала себя... нахлебницей, принятой из милости! Все казалось, она мешает – вот навязалась им на голову. А навязываться она не любила.

Дождь кончился, посветлело, вернулась Ольга Аркадьевна, а Лида все сидела на веранде, все думала, думала, все низала и перенизывала бесконечную нитку беспокойных мыслей: что же делать? Как жить? Ей остаться в Трубеже невозможно, а Марк в Москву не переедет – теперь Лида ясно это понимала. Он не оставит мать, Ольга Аркадьевна действительно неважно себя чувствует. Лида сама пару раз замечала, как та тайком от сына принимала лекарство. «Только не говори Марку!» Да и жить в московской квартире вчетвером нереально – комнаты маленькие, одна вообще проходная. И еще мама с ее характером! Лида-то привыкла, а почему Марк должен терпеть такое? Снять квартиру? На что, на какие шиши?

Вдруг Лида осознала, что довольно давно смотрит прямо на стоящего в дверях Марка. Лицо у него было напряженное, взгляд мрачный. Лида представила, какое у нее самой сейчас выражение лица, и, ужаснувшись, изобразила что-то вроде улыбки, но Марк не откликнулся. Он догадался! Он прочел все ее мысли! Лида вскочила, шагнула к нему и сказала, не сознавая этого, единственно верные слова:

– Слушай, Илька сегодня заговорил! Представляешь? Наш сын сказал первое слово!

Марк молча смотрел на нее. Потом спросил:

– И какое?

Лида расцвела:

– Папа!

У Марка дрогнуло все внутри, но чтобы Лида не увидела его смятения, он крепко прижал ее к груди – значит, все хорошо? Она так радуется, что Илька сказал «папа»? И сама сказала – «наш сын»? Значит, еще ничего не потеряно? А он-то испугался, увидев ее сейчас – чужую, отрешенную, «московскую»...

– А где он?

– В саду, с Ольгой Аркадьевной! Приходи потом, я покормлю тебя! – И выдохнула: обошлось!

Когда Лида мыла посуду, Марк тихо сказал:

– Артемида, я хотел попросить тебя. Пожалуйста, позволь маме докончить портрет. Через пару дней прояснится, можно будет работать. Это так важно для нее.

Не оборачиваясь – ей вдруг захотелось заплакать, – Лида ответила:

– Марк, я не собиралась уезжать прямо завтра. И послезавтра. Если я вас не очень напрягаю, я бы осталась до... до сентября.

– Спасибо. Я боялся, что ты...

– Нет.

– Ну, вот и хорошо. Значит, оба дня рождения успеем отпраздновать – мамин и твой.

Лида внутренне застонала: она и забыла про дни рождения! Опять гости! Остаток дня она недоумевала: что ее вдруг так напугало? Никто не держит ее здесь насильно, никто не отбирает ее драгоценного сына, а если Марку вдруг захотелось с ней переспать – почему бы и нет? О том, что этого захотелось ей самой, Лида старалась не думать, но получалось плохо. Чем больше день клонился к закату, тем ярче вспыхивали у нее перед глазами картинки предыдущей ночи, тем сильнее разгорался в ее крови пресловутый «огонь желанья». Да что ж это такое, думала Лида. Что за наказание!

Она вспомнила мать – а вдруг... а вдруг мама вот так же мучается всю жизнь?! Просто не может себя сдерживать, и все! Лиде впервые стало жалко мать, и впервые возникло в ее душе какое-то женское понимание – она представила, каково было провинциальной девочке Люсе, юной и пылкой, рядом с таким ученым сухарем, как отец. А потом ей пришла в голову другая мысль: что, если она сама – такая же! Пошла темпераментом в маму? Как ей с этим справляться?! Как жить дальше?!

Она нянчилась с Илькой, укладывала его спать, ужинала, а в голове все вертелся калейдоскоп навязчивых мыслей: «Да что это я?! Как я могу пойти темпераментом в маму! Это бы давно проявилось! Мама и замуж-то выскочила, едва восемнадцать исполнилось, уже беременная, а я... А мне тридцать два! И до сих пор ничего такого не чувствовала...»

Она долго не могла заснуть, маялась: то казалось душно, то тянуло холодком из открытого окна. В крошечной тьме что-то отдаленно громыхало, словно огромная черная собака ворочалась и порывивалась, нагнетая тревогу и тоску. Лида и хотела, и боялась появления Марка. Но он, судя по всему, и не собирался к ней приходить. Конечно, зачем ему это надо! Что это она вообразила! Вчерашний поступок теперь ей казался просто чудовищным: сама себя предложила! Навязалась мужчине! Боже, какой стыд...

И Лида заплакала, накрывшись подушкой, чтобы не разбудить Ильку. Под подушкой было совсем уж душно и пыльно, и нос сразу заложило, и слезы затекали в рот, но она все всхлипывала и шмыгала носом, сама уже не понимая, из-за чего, собственно, расплакалась. «Какая-то я неудобная, – думала она, жалея себя. – У других так все легко и просто, а у меня... Идиотизм какой-то!» И когда Лида довела себя почти до полного отчаяния, подушка вдруг куда-то делась. Марк улегся рядом, слегка подвинув ее к стеночке. Она забарахталась, пытаясь то ли зарыться поглубже, то ли вырваться и убежать, но Марк, крепко обняв, не дал ей сделать ни того, ни другого. Сильный, голый, горячий, он прижал ее и поцеловал в висок.

– Ну-у? Что-о случилось? – таким нежным тоном он разговаривал обычно только с Илькой, и Лида мгновенно почувствовала себя маленькой девочкой. Наконец-то она дождалась взрослого, которому можно поплакаться, кто пожалеет и утешит. – Почему ты плачешь?

– Потому-у...

– Скажи мне, родная, что такое?

– А потому что мне страшно!

– Страшно?!

– Потому что ты подошел слишком близко! – выпалила Лида и сама удивилась: вовсе не об этом она думала весь день! Или как раз об этом?

Марк молча гладил ее по голове, а Лида замерла. «Зачем я это сказала, зачем?!» Всю жизнь она жила, окружив себя крепостными стенами с колючей проволокой, никого не подпуская на пушечный выстрел, но Марк никогда – с самой первой их встречи! – не замечал никаких стен, просто проходя их насквозь...

– Послушай, ну что здесь такого ужасного? Ну, подошел к тебе ближе, чем кто-то другой. Я что, чудовище?

– Нет... Ты совсем не чудовище...

– Тогда в чем дело? Разве плохо, если у тебя появился близкий друг?

Лида вздохнула:

– Наверно, это я какая-то... не такая. У меня никогда не было близких друзей.

– У тебя и ребенка никогда не было, а теперь он есть.

– Правда... Как-то ты меня запутываешь! Я думаю-думаю, а ты – раз: и все не так, как я думала!

– Да потому что ты все какие-то глупости думаешь.

– Это что же, ты считаешь, что я глупая?! – Лида сама себе поражалась: она явно кокетничала с Марком. Но она ничего не могла с собой поделать.

– Ты умная. Очень умная. Но думаешь всякие лишние глупости. Вот из-за чего ты, спрашивается, сейчас рыдала?

– Я не помню, – жалобно сказала Лида, у которой действительно все мысли перемешались. Разве можно было о чем-нибудь помнить, прижимаясь к Марку и чувствуя его прикосновения? – Ты на меня так действуешь, что я просто ничего не соображаю...

– Ага! Это и входило в мои намерения! Ну-ка, чуть-чуть повернись...

Потом Лида заснула почти сразу, сонно пробормотав:

– Мне так нравится... с тобой...

– Тебе нравится со мной спать? – вздохнув, уточнил Марк.

– Ну да... Ты такой... замечательный...

И на том спасибо, не без горечи подумал Марк. Он долго не мог заснуть – осторожно гладил плечо Лиды, зарывшись носом ей в волосы, вздыхал и думал: «За что? За что мне все это? Артемида...»

День рождения Ольги Аркадьевны поразил Лиду нашествием гостей, начавшимся прямо с утра. Небольшими группками приходили ученики и коллеги, а настоящий праздник должен был состояться вечером, только для самых близких.

– Ну, человек двадцать – двадцать пять будет, наверно, – сказал Марк.

– Так много?!

– Разве это много? Мамин юбилей полгорода праздновало!

Все комнаты были заставлены цветами, а Лида с Илькой прятались в саду от всех этих незнакомцев. Лида рвалась помогать на кухне, но там помощниц было с избытком – юные красотки из училища были на подхвате у Ольги Аркадьевны и всю кокетничали с Марком. Лида только подняла брови, увидев, какое у Марка выражение лица. «Я же совсем его не знаю», – подумала она, мгновенно огорчившись. Еще больше она поразилась час спустя, когда случайно вышла на вторую веранду и обнаружила там Марка с Александрой – они сидели рядом на диванчике и разговаривали, улыбаясь друг другу. Рука Марка лежала на спинке, словно он обнимал Сашу за плечи, а Саша то и дело касалась его колена тонкими бледными пальцами.

Лида так и впилась взглядом – они как-то случайно встретились в городе, но тогда ей не удалось толком разглядеть эту бывшую «великую любовь» Марка. Бывшую ли! Александра не показалась ей красивой – так, обычное, ничем не примечательное лицо: короткая стрижка, очки в тонкой оправе. Невысокая. Элегантная, да. Туфельки, короткая узкая юбка, белоснежная блузка, жемчуг...

Тут Саша окинула Лиду быстрым взглядом, чуть заметно усмехнувшись, и та увидела себя как бы со стороны, глазами Александры: вытянутые на коленках застиранные джинсы, растянутая майка, хвост кое-как закручен. Но зато у нее на руках ребенок! Вот ее лучшее украшение! И Лида гордо выпрямилась, подкинув Ильку, а Саша как-то помрачнела. Покосившись на улыбающегося Марка, Лида вдруг поняла, что он наслаждается ситуацией – соперничеством из-за него двух женщин! А Марк на самом деле наслаждался: еще тогда, при первой встрече Лиды с Александрой, он испытал такое острое чувство торжества, что устыдился, – они шли с рынка, Марк нес Илюшку на руках, и Саша страшно удивилась, когда он сказал:

– А это мой сын!

– Я и не знала! Поздравляю! – и оглянулась, отойдя...

Марк забрал потянувшегося к нему Илюшку, а Лида пошла в свою комнату и остановилась в задумчивости перед распахнутой дверцей шкафа: надо бы, пожалуй, переодеться, но во что?! Она взяла с собой минимум вещей, не рассчитывая остаться у Шохиных так надолго. У нее были еще одни джинсы, чистые, но рваные на коленках. Шорты не наденешь...

Прямо хоть иди к Ольге Аркадьевне побираться! Если только кружевной наряд нацепить. Ага, прямо на голое тело – то-то Александра удивится. «Ну и ладно, останусь так. Подумаешь! Посижу немножко и сбегу. У меня ребенок, в конце концов, мне некогда за столом рассиживаться!» Лида скептически посмотрела на себя в зеркало – у нее за спиной отражался Марк. Лида вспыхнула и отвернулась.

– Куда ты дел Ильку? – спросила она, не глядя на Марка. – Неужели доверил Александре?

– Маме подкинул. Послушай, Артемида! Я тут подарок тебе купил ко дню рождения. Я знаю, заранее не дарят, но я подумал: вдруг ты захочешь сегодня надеть? Посмотри!

Марк отступил в сторону, и Лида увидела, что Марк повесил на дверь вешалку с платьем. Она подошла – длинное темно-зеленое платье было из крашеного льна с вышивкой у ворота: кисти рябины с листиками.

– Это ты выбирал?! Наверно, Ольга Аркадьевна? Какое красивое!

– Это я. У нас в музее одна женщина делает на продажу, я заказал. Мне показалось, тебе пойдет такое сочетание цветов. Примерь!

– Отвернись.

– О господи! Я выйду за дверь – так достаточно?

Лида натянула платье – прохладный гладкий лен так и льнул к телу. И правда, ей очень шел зеленый цвет, от оранжевых рябинок появился румянец на щеках, а волосы словно вмиг порыжели. Марк из-за двери смотрел на Лидино отражение в зеркале – выражение радостного изумления у нее на лице сменилось растерянностью и страхом: а вдруг это платье неспроста?! А вдруг сейчас, перед гостями, Марк – и, еще хуже, Ольга Аркадьевна! – скажет что-нибудь такое, что обяжет ее остаться тут навсегда?! Вдруг это... что-то вроде помолвки? Они просто поставят ее перед фактом, а она не сможет противостоять, особенно теперь, когда она так... так привязалась... к Шохиным...

«Опять!» – подумал Марк и развернул Лиду лицом к себе – она даже побледнела.

– Посмотри на меня. Пожалуйста.

Лида подняла на него несчастные глаза.

– Артемида! Это. Просто. Платье, – сказал он отдельно. – Подарок ко дню рождения. Это ровно ничего не значит. Просто платье. Ты меня понимаешь? А сегодня у нас просто мамин день рождения. Ты только посидишь немного за столом в красивом платье – и все! Хорошо? Никто ничего не скажет, никто ничего не спросит. Наши с тобой отношения касаются только нас с тобой. Никого больше. Мы живем так, как нам удобно. Мы же с тобой договорились! Я понимаю, почему ты не хочешь выходить за меня замуж, и принимаю это. Ну?

Лида глубоко вздохнула и положила голову ему на плечо:

– Прости меня! Я ничего не могу с этим поделать. Не обижайся!

– Я не обижаюсь. Пойдем? Освободим маму от Ильки.

Лида ушла вперед, а Марк помедлил и мрачно сказал собственному отражению, с отчаяньем смотревшему на него из глубины зазеркалья:

– Вот так они и жили. И ничего не могли с этим поделать.

Так они и жили: в сентябре Лида уехала в Москву, раз в месяц Марк приезжал к ней, Новый год все вместе встречали в Трубеже, и подруги матери только удивлялись: «Надо же, как твоя-то устроилась! Мужик под ногами не путается, кормить его не надо, стирать на него не надо, всегда поможет, бесплатная дача, да еще и секс в придачу! Идеально!»

Но все было совсем не так идеально, как представлялось подругам матери. Та зыбкая связь, что установилась между Марком и Лидой в первое трубежское лето, не укрепилась

с течением времени, а ослабевала. Мешали московские дела и заботы, редкость встреч – Лиде каждый раз приходилось делать усилие, чтобы «вернуться» к Марку, хотя она, сама себе в этом не признаваясь, скучала по нему, скучала! Особенно в первое время, когда ей даже снился нежный шепот Марка и она, проснувшись, с тоской глядела на потолок, по которому метались неясные ночные тени.

Лиду смущала та власть, которую Марк приобрел над ней – над ее телом, над ее желаниями – над ее душой! Сильнее всего на нее действовал даже не сам момент физического акта любви, а те минуты невероятной близости, что следовали за ним – и предвворяли его, когда она всем своим существом чувствовала изливающуюся на нее нежность, купалась в ней и доверялась Марку полностью...

«Я теряю себя? – думала Лида. – Я не могу... не хочу раствориться в нем! Я – отдельная личность, самодостаточная и сильная, а Марк подавляет мою волю. Я могу надеяться только на себя. Всю жизнь было так. Нет, я не дамся. Нет!» Но другой внутренний голос, вкрадчивый и тихий, говорил ей: «А может, ты обретаешь себя? Настоящую?»

А Марк, видя, как Лида все больше отдаляется, думал: «Вдруг мама права и я напрасно надеюсь на чудо?» Он отвез Лиду с Илькой осенью в Москву, а после не находил себе места. Даже снова начал курить, хотя бросил почти год назад. Ольга Аркадьевна с жалостью на него посматривала, а однажды спросила, не выдержав:

– Ты так ей и не сказал?

– О чем?

– Ты знаешь.

– А что, так заметно?

– Да, я вижу.

– Нет, не сказал.

– Но почему?

– Мама! Она не любит меня.

– А мне показалось, что у вас... что вы...

– Что мы спим вместе? Да. Это ничего не значит.

– Но как же так, Марк?! Я не понимаю!

– Это просто секс.

– Нет, я не понимаю! Я не понимаю, как вы сейчас живете. Просто секс. Что это значит? В мое время это значило очень много! Это было... Это была любовь! Как можно отделить одно от другого?

– Мама...

– Как она может спать с тобой, если не любит? Нет, я не могу этого постичь...

– Лида мне благодарна, понимаешь? За Ильку. Благодарна. До неба...

– Только поэтому?

– И потому что я... Не знаю, может, тебе неприятно это слушать, но я... я нравлюсь женщинам, ты разве не замечала?! Я умею увлечь женщину. Не знаю как, но умею. Лида же видит это! Она умная. И сопротивляется моему... моему обаянию, черт его побери!

– И правда, ты очень обаятельный...

– Ну да, как булгаковский кот. Пошлите Бегемота, он обаятельный! Так было всегда, с юности. Как мне это мешало, ты не представляешь! Потому что ко мне не относились серьезно те, кого я... К кому я серьезно относился. Не верили мне! Зато вешались на шею такие, которых и даром не надо. А мне... мне так хотелось... чтобы любили *меня*, понимаешь? Меня, а не... сына Шохиных! Меня, а не мое обаяние!

– Я понимаю... Мальчик мой... Но может быть, все-таки стоило... объяснить Лидии... серьезность твоих чувств?

– Что же, она сама не видит?! Не понимает? Если даже ты заметила...

– Марк, послушай меня. У Лидии нет никакого опыта подобных отношений, я правильно поняла?

– Да.

– Ей не с чем сравнить. Она не уверена в себе, по-женски не уверена, понимаешь? Надо ей сказать, мне кажется, надо.

– Мама! Ну, скажу я: люблю, жить без тебя не могу, и что? Она так благодарна, что может счесть своим долгом остаться со мной! И останется.

– А что в этом плохого?

– Ну как ты не понимаешь? Она же возненавидит меня – через неделю, месяц, год, – но возненавидит!

– А вдруг – полюбит?

– Ты в это веришь? Не знаю...

– Мне кажется, ты чересчур многого хочешь, милый. Все и сразу – так не бывает.

– У вас с отцом – было же?

– У нас с отцом много чего было. Брак – это труд, ежедневный труд. Взаимный. Не все так просто, как ты думаешь.

– Знаешь, вы с отцом всегда были для меня идеалом. Такая любовь!

– А ты никогда не чувствовал себя... обделенным?

– Да нет вроде бы. Не знаю. Я завидовал вам! И для себя хотел такого же. Но где найти женщину, подобную тебе...

– Милый мой, нельзя повторить чужую жизнь, надо жить своей.

А сама задумалась: не возникло ли это обаяние Марка, так сильно действующее на женщин, из-за того, что он недобрал материнской любви? Не искал ли он эту любовь в каждой встречной женщине?..

Настал Новый год, прошли праздники, а в феврале у Ольги Аркадьевны случился сердечный приступ, и Марк больше не смог выбираться в Москву. А когда Лида приехала к Шохиным на второе лето, Марку пришлось смириться с тем, что большую часть хозяйства Лида взяла на себя – Ольга Аркадьевна сильно сдала. Увидев ее, Лида ужаснулась: прошло-то всего месяца три, а Ольга Аркадьевна словно постарела на десять лет. Изменился и Марк – он все время следил за матерью тревожным взглядом. Лида попыталась осторожно расспросить, в чем дело, но Марк коротко сказал, отвернувшись от Лиды:

– Сердце. Нужна операция, но мама не хочет.

– Почему?

– Говорит, устала жить. Да и операция опасна для ее возраста.

– Марк...

– Не надо.

Лида хотела было обнять, но он вывернулся и ушел. И хотя Лида сама точно так же замыкалась, испытывая отчаяние или горе, ей показалось обидным, что Марк не принял ее сочувствия: «Ну да, конечно, кто я такая, чтобы лезть с утешениями!» Так они и существовали дальше, словно в затяжных заморозках, и только Илья был способен растопить ту тонкую корочку льда, что постоянно нарастала между Марком и Лидой.

И то, что оба называли «просто сексом», вдруг и на самом деле стало просто сексом – привычным, дежурным и будничным. «Ну и хорошо, – думала Лида, – ну и ладно. Пусть все так и будет – ровно, спокойно. Безопасно. Словно мы оба – в скафандрах. А ближе – не надо. Не хочу. Не надо мне этих... потрясений. Нет, нет! Нет...»

И если бы не приход Александры, возможно, лед нарастал бы и дальше. В один из жарких июльских дней, пока Илья спал, Лида решила быстренько вымыть полы. Она уже домывала веранду, когда сзади раздался голос Саши:

– О, да мы не вовремя!

Лида оглянулась и чертыхнулась про себя: по садовой дорожке к дому подходила Саша в элегантном платье, а у нее за спиной маячил Марк, взглянувший на Лиду довольно сердито – еще бы! С мокрой тряпкой в руках, растрепанная, в коротких шортах, сделанных из оборванных по бедрам джинсов, и в потной майке, она выглядела полной замарашкой.

– Мы войдем через второе крыльцо, – и Марк быстро увел за угол дома Александру, окинувшую Лиду ироническим взглядом, а Лида показала им вслед язык: подумаешь! Она домыла веранду и отправилась в садовый душ. Вымылась, простирнула мокрые от пота майку и шорты, повесила их на веревку и задумалась: «Как же идти обратно – даже полотенца нет, чтобы прикрыться? Может, так быстренько пробежать? А что? Сад большой, с улицы не видно, а я у себя дома, в конце концов...»

И сама удивилась, что подумала о шохинском доме как о своем. «Да не стану я прятаться, еще чего! А если некоторым, сидящим на веранде, это не понравится, это их проблемы». Встряхнув влажными волосами, Лида выпрямилась, втянула живот и прошла мимо второй веранды походкой богини. Ольга Аркадьевна ничего не заметила, а Марк, прикусив губу, с трудом удержался от смеха, увидев изумленное выражение лица Саши: ну, Артемида! Вот хулиганка!

А хулиганка появилась среди них через пару минут – вошла босая, с распущенными волосами, в длинной тонкой хламиде, под которой явно ничего больше не было, и на секунду задержалась в дверях: она знала, что солнце просвечивает ее одеяние насквозь. Марк только покачал головой, усмехнувшись.

– Марк, я там питье приготовила, ты не принесешь?

Он принес поднос с четырьмя высокими стаканами – это был фирменный Лидин напиток: лед, лимонный сок, мята, базилик и немного сахара – для жары лучше не придумаешь. Лида сидела, вытянув длинные ноги, которые в разрезах туники было видно чуть не до бедер, и лениво потягивала через соломинку холодный напиток. Разговор как-то не вязался, и Александра вскоре ушла: оказывается, она приходила, чтобы попросить у Ольги Аркадьевны ее картины для музея. Проводив Сашу, Марк нашел Лиду на кухне – она сосредоточенно мыла стаканы.

Он подошел сзади, обнял ее, сильно прижав, и прошептал:

– Неужели ты ревнуешь меня к Александре?

– Еще не хватало! – В горле у Лиды пересохло.

От жаркого шохинского шепота все Лидины защитные стены и бастионы рухнули мгновенно, как и не бывало. Марк развернул Лиду и поцеловал.

– Ну что ты делаешь...

– А не надо было голой разгуливать! – Марк уже с трудом владел собой. – Идем. Да идем же!

– Скоро Илья проснется... Мы не успеем...

– Успеет. Давай!

Потом оказалось, что их занесло в бывшую мастерскую Ольги Аркадьевны, теперь превращенную в кладовку. Из старого кожаного дивана выпирали пружины, Марку на голову свалился какой-то тубус, Лида смела волосами всю пыль с диванной подушки – они не замечали ничего. Какие скафандры, какой лед! Все растопила раскаленная лава, текущая у них в жилах вместо крови. И если бы сейчас, в эту самую минуту, Марк догадался сказать Лиде: «Останься со мной навсегда!» – она бы осталась и сложила к его ногам свою душу, свою жизнь – всю себя. Но он не догадался. Ему было не до этого.

Лежа в объятиях Марка, Лида не могла ни шевельнуться, ни открыть глаза – она даже не понимала, как это делается. «Марионетка с оборванными нитями, вот я кто, – вяло думала она. – А Марк – кукловод. Стоит ему дернуть за ниточку, и...

И он знает, за какие ниточки дергать.

Я принадлежу ему, – вот в чем дело...

Я не хочу этого!

Но оно есть.

Нет, нет!

А не этого ли ты добивалась, когда шествовала по саду обнаженной богиней?

Не этого!

Неужели?

Только бы Марк не понял, что...

Что?

Что я перед ним беззащитна! Потому что, если он поймет, я совсем пропаду!

Нет-нет, ни за что! Я не поддамся, нет...»

– Марк, пусти-ка, Илька проснулся. – Лида встала, поправила тунику и потрясла головой – господи, все волосы в каких-то пауках! Улыбнулась Марку, следившему за ней внимательным взглядом, и пошла прочь. Улыбка не очень получилась, поэтому в дверях Лида приостановилась, глубоко вздохнула, повернулась и серьезно сказала Марку:

– А вообще ты теряешь квалификацию.

– Что?! – Марк даже подскочил. – В каком это смысле?!

– Где луна? Или хотя бы звезды? Что это такое – продавленный диван, пыльный тубус! – Марк кинул в нее подушку-думочку, но Лида увернулась и исчезла. Больше пыльные тубусы на них не падали, ни разу. Но и лед больше не намерзал.

Спустя две недели, когда Лида с Илькой сидели в китайской беседке – Лида пыталась работать, держа на коленях ноутбук, подаренный ей Шохиным на Новый год, а Илька увлеченно разбирал на запчасти очередной автомобильчик, – Марк закричал из дома:

– Артемида! Телефон! Твоя мама!

– Мама? – Лида удивилась: у них не было принято звонить друг другу без необходимости. Но услышав то, что сказала ей мать, Лида поразилась еще больше:

– Марк, ты представляешь?!

– Что-то случилось?

– Мать выходит замуж! Через две недели свадьба! Мы с тобой приглашены.

Нет, что-то подобное Лида подозревала уже давно: в последнее время Люсик все время куда-то исчезала по выходным, задерживалась по вечерам, иногда не ночевала, но Лида ничего не спрашивала, хотя не заметить, как мать похорошела и помолодела, было просто невозможно. И вот вам! Лида сама не знала, что чувствует: пожалуй... пожалуй, освобождение, как будто наконец удачно сбыла с рук дочь-переростка. Люсик сразу же сказала, что уходит жить к мужу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.